

18+

Марина Влютенка

Пока твое сердце
бьётся

Маринапа Влюченка

Пока твоё сердце бьётся

«Издательские решения»

Влюченка М.

Пока твоё сердце бьётся / М. Влюченка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742906-5

Героиня романа знакома со смертью не понаслышке в силу врождённой болезни и почти мертва морально, потому как жизнь её пуста. Она боится смерти больше всего на свете, но встречает своеобразное её физическое воплощение. В книге нет ни романтического героя, ни вражды кланов, но есть история о том, как два человека могут внезапно зажечь друг в друге искру и желание жить. Это история об одиночестве в толпе, о вере и доверии, об одержимости, о смерти и неутолимом гладе, живущем в каждом из нас.

ISBN 978-5-44-742906-5

© Влюченка М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. День	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пока твоё сердце бьётся

Маринапа Влюченка

© Маринапа Влюченка, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1. День

*Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?
Евангелие от Матфея, гл. 6*

В одном моём любимом фильме говорилось, что детство заканчивается, когда ты понимаешь, что рано или поздно умрёшь. Если верить этому высказыванию, моё детство закончилось очень рано. Не помню и даже не знаю, откуда у ребёнка могли взяться подобные страхи, – возможно, то было даже предчувствие, но однажды я стала просыпаться ночью в слезах и со словами: «Я не хочу умирать!». Тогда мама обнимала меня и говорила, что к тому времени, как я вырасту, уже придумают лекарство для бессмертия. Я успокаивалась и засыпала.

Когда в четырнадцать лет я попала в больницу, мыслей о смерти на тот момент уже почти не осталось. В кардиологическом отделении меня мучили лекарствами и исследованиями, но от этого, казалось бы, становилось только хуже. Через несколько месяцев меня, бледную, слабую и с диагнозом на всю жизнь, отпустили. Я вернулась в школу, но обо мне там уж давно позабыли, точно об умершей: дети быстро всех и всё забывают и умеют поступать очень жестоко. Навсегда я запомнила лица встретивших меня некогда закадычных приятелей, вежливо-учтивые, чужие и смущённые, – лица людей, которым не хотелось принимать в свою весёлую и беззаботную компанию нового старого друга, отягощённого такими серьёзными проблемами. Я осталась совершенно одна в этом юношеском школьном мире. Возвращаясь после учёбы домой и запираясь в комнате, чтобы переодеться, я часто сидела на диване и не могла сдержать поток слёз, душивших меня весь день. Тогда подобные вещи ещё имели для меня очень большое значение, как и для любого подростка. Ведь что может быть важнее в этом возрасте, нежели пользоваться популярностью в классе, кокетничать с мальчиками, секретничать с девочками?

В ту пору я впервые задумалась, что многие вещи, которые тебе преподносятся как аксиома, почему-то порой не работают. И фраза о том, что Бог не дает испытаний не по силам, меня не утешала. Выпавшие на мою долю испытания в период, который должен быть у всех беззаботным и радужным, конечно, неокрепшее дитя не убили, но я не понимала одного – почему именно я, за что? Я спрашивала себя, почему Бог, если он есть, как утверждали мои родители, позволяет кому-то вбирать в себя страдания за нескольких людей? Почему не карает так тех, кто наказания откровенно заслужил? Тогда мне показалось, что что-то ушло навсегда и больше никогда не будет как прежде.

Затем у нас сменился класс, и жизнь, конечно же, постепенно наладилась. Я окончила школу и университет, и мрачные мысли, сидевшие глубоко в душе, вновь замолкли на долгие годы. Даже о болезнях я вспоминала всё реже, лишь в периоды их обострения. Но к тому времени я уже очень хорошо научилась быть одна. Это был самый ценный навык, который дала мне средняя школа. И хоть одинока я не была, болезненной нужды в толпе во мне более не осталось.

Наверное, эта моя история началась именно тогда, а не зябким осенним вечером в тёмном дворе, с чего можно было бы начать её сейчас. Я возвращалась с работы позднее обычного, но темнота меня не пугала, лишь только казалось непривычным то, что в это время суток уже так непроглядно темно: в душе ещё было живо лето.

Отец устал ругать меня за то, что я никогда не звоню ему и не прошу встретиться, если возвращаюсь поздно. Вот и сегодня он просил меня позвонить, как только подъеду к остановке, но я, конечно же, вновь его ослушалась. В том не было чрезмерной опеки с его стороны:

наш спальный район действительно не имел безупречной репутации, но без отца было быстрее и проще.

Сырой асфальт, местами залитый ядовито-жёлтым светом фонарей, мерцал, словно усыпанный мелкими стразами. На фоне этих светящихся островков тонувшие в тени густые кусты смотрелись действительно зловеще, а устланная гравием аллея, через которую мне предстоял путь, сплошь утопала в кустах снежника и невысоких рябинах, и свет проникал туда лишь настолько, что можно было различить силуэты движущихся по аллее людей. Но мне не было страшно – наоборот, каждый раз, проходя там, я представляла себя героиней какой-нибудь неизвестной мрачной сказки братьев Гримм, и меня приятно удивляло, как первобытная природа властвовала в этом уголке, затерянном среди бетонных джунглей.

В этот раз на дорожке никого не было, в конце аллеи из-за кустов выглядывала зелёная стена моего дома. Я шла, вслушиваясь, как скрежещут камешки под подошвами моих ботинок, – то был единственный звук, различимый в этой поздней тишине пустого двора. Преодолев половину пути, я вдруг услышала едва различимый шорох справа в кустах, такой тихий на фоне стройного хруста моих шагов, что я и сама не поняла, почудилось мне, или уши действительно уловили что-то выбивающееся из привычного ритма. «Крыса. Или кошка», – машинально подумалось мне на ходу, но затем раздался другой звук, заставивший мгновенно застыть на месте. То был вздох, тоже тихий, но мучительный, похожий на жуткий стон. Сама не понимая, почему ноги не желают оторваться от земли и пуститься в бег, я испуганно всматривалась в черноту справа от себя, но не могла разобрать там ни силуэта, ни движения. Тишина стала оглушающей, даже ветер полностью стих, а меня точно парализовало.

В тот же миг раздался ещё один звук, точно кто-то раздражённо цокнул языком, и в густой черноте загорелись и усталились на меня два немигающих неестественного аквамаринового цвета глаза. Меня обуюл никогда не испытываемый мной доселе первобытный страх, я отступила на шаг назад и почувствовала, как заныло сердце. К моим ногам упало безжизненное тело мужчины. На лице его, едва видимом в отблесках далёкого света, застыл последний ужас, слепые глаза были широко раскрыты, искривлённый рот тоже был приоткрыт, и я поняла, что услышанный мною стон оказался предсмертным вздохом этого человека.

Вслед за ним от густого сумрака отделилась высокая фигура обладателя светящихся глаз. То был мужчина со строгими, жёсткими чертами лица, он не был ни юн, ни стар, его неестественно белая кожа слегка флуоресцировала в темноте, длинные, чуть ниже плеч, тёмные волосы, зачёсанные назад, оголяли высокий лоб. Одежды мужчины были неотличимы от царившей вокруг черноты, поэтому-то, если он стоял ко мне спиной, я и не смогла разглядеть его силуэт. Особенно жутко на этом бледном безжизненном лице выделялись зло сжатые губы, испачканные алым.

Немой крик застрял у меня в горле, в котором бесновался безумный пульс. Я отступила ещё на шаг и сумела лишь ойкнуть чужим сдавленным голосом. Он смотрел на меня безэмоционально и пристально, этот взгляд точно рентген проникал глубоко под кожу. Он меня изучал. Я не тешила себя иллюзиями насчёт того, кто это мог быть, и умом понимала, что шансов у меня нет. Меня парализовал страх под этим леденящим взглядом крупных внимательных глаз, но не было паники, я не пыталась звать на помощь или срываться с места. С неуместной холодностью разума я понимала, что это всё равно бесполезно, будто где-то в глубине души смирилась и приняла всё то, что бы сейчас ни случилось.

Брезгливо скривив губы, он отодвинул ногой тело жертвы, разделявшее нас, и сделал ещё один решительный шаг навстречу. Я отшатнулась, но осталась стоять на месте, всё внутри меня сжалось в комок. Он стоял так близко, что я ощущала его холодное дыхание, – то было дыхание самой Смерти, которой я так боялась когда-то давно. Казалось, он к чему-то прислушивался, так же внимательно, как миг назад сканировал своим жутким взглядом. Затем горящие глаза

вновь окинули меня с головы до ног, и, резко развернувшись на каблуках, это существо ступило обратно во тьму. Шагов его не было слышно, точно он растворился прямо в воздухе.

Я судорожно выдохнула и поняла, что не дышала всё это время. Не оглядываясь больше назад, на негнувшихся ногах я поспешила домой. Болело сердце.

Дома папа снова меня отругал, и мне было стыдно смотреть ему в глаза. Я понимала, что он, конечно же, прав. Но и не знала, почему это существо пощадило меня, не могла предположить, как всё сложилось бы, если б со мной был отец. Был бы он сам сейчас жив?

В ту ночь мой сон был очень беспокоен. Мне казалось, что я вообще не могу сомкнуть глаз, но, проваливаясь в дремоту, слышала чей-то шёпот, он звал меня, но я не могла различить ни слова. Затем мне снилась тёмная ночная улица возле дома, совершенно пустая и оттого пугающая. Я быстрым шагом возвращалась откуда-то, боясь оглядываться, словно ощущала кожей некое нарастающее позади давление в этой неживой, неестественной тишине. Смотреть прямо перед собой было довольно сложно, ведь боковым зрением то и дело я улавливала движения в непроглядной тени кустарника; в какой-то момент я, не выдержав, повернула голову, и сердце ухнуло вниз. Медленно и плавно, точно паря над землёй, на меня надвигались бесформенные чёрные фигуры, словно бы сотканые из первозданной тьмы, с зияющими провалами в бездну вместо лиц. И лишь руки, костлявые и длинные, которые существа тянули ко мне, были белёсого с сероватым оттенком цвета.

Я понимала, что ни в коем случае нельзя позволить им коснуться меня этими мерзкими пальцами, холод которых ощущала даже на расстоянии, поэтому в испуге ринулась с места. На сей раз не оглядываясь, я добежала до своего подъезда, трясущимися руками выгатила ключ от домофона, едва не обронив его на землю, и ворвалась на лестницу, казавшуюся призрачным спасением. Безумно долго тянулись секунды ожидания лифта, и когда двери наконец закрылись за мной, я с облегчением глубоко вздохнула. Только мне показалось, что теперь-то я в безопасности, как вдруг взгляд, скользнув по полу, отметил странную тень на линолеуме, которую ничто не могло отбрасывать в этом замкнутом пространстве. Прямо на глазах эта тень начала отделяться от плоскости пола, и передо мной выросла одна из тех страшных чёрных фигур, а её белые кривые пальцы тотчас потянулись к моему лицу.

Издав нечеловеческий вопль, я отшатнулась назад и упёрлась в стену лифта. Отступить было некуда, а тем временем чёрные тени отделялись уже от потолка и дверей. Фигур стало непомерно много для такого маленького пространства, и я уже приготовилась к ужасающей кончине, закрыв лицо ладонями, но вдруг лифт остановился, и всё кончилось. Недоверчиво открыв глаза, я увидела, что чёрные существа исчезли, а двери лифта открыты, и вышла на лестничную площадку.

Болело сердце: ныло и жгло меж лопаток насквозь до солнечного сплетения. Внезапно я ощутила прикосновения, сильные, решительные, но не грубые и, пожалуй, не совсем материальные. Кто-то растирал мне спину. Я вновь слышала голос, не разбирая толком слов или не понимая их, но он словно звучал внутри моего сознания.

Спустя пару мгновений боль как рукой сняло. Я благодарно обернулась и увидела *его*. Мне больше не от кого было убежать, и, казалось, сейчас вообще никого больше нет, кроме меня и него, стоящего молчаливой тенью поодаль справа. Сама жизнь замерла во всём сущем в тот миг. Я видела отдельные его черты, но образ никак не складывался в цельную картинку, словно *он* не хотел, чтобы я запомнила его внешность. Кажется, он был бледен лицом, и только небесного цвета глаза полыхали холодным пламенем. На плотно сомкнутых губах не было даже усмешки, и лицо с точёными чертами как будто вообще не выражало никаких эмоций, но от всей этой выделявшейся из человеческого мира фигуры распространялась немая и такая сокрушительная сила, что меня бросило в дрожь.

Ощущая, как по коже побежали мурашки, я вдруг упала на колени и схватила его красивую, сильную руку. Трепеща, я целовала прохладную кожу, роняя на неё горячие слёзы, и только повторяла:

– Благодарю тебя за эту жизнь, за то, что я могу жить дальше, за то, что ты есть рядом. Благодарю тебя...

Волны исходившей от него власти полностью подчиняли, и мне это нравилось. Мне нравилось чувство полной сломленности такой неистовой внутренней Силой, которой нет ни в одном человеке. В груди словно что-то сорвалось в пропасть. Беспощадный, заполонивший всю вселенную внутренний ожог.

Очнувшись, я ощутила жар во всём теле, мне показалось, что в комнате очень душно. Не проходило ощущение присутствия этого таинственного спасителя, словно бы он сидел сейчас подле меня, а я слышала его дыхание и чувствовала прикосновения к коже, но никого, кроме меня, в помещении не было. Выпив на кухне залпом стакан холодной воды, я вернулась, открыла окно и вновь забылась тревожным поверхностным сном, полным шёпота и голосов, пока будильник не вырвал меня из плена этих сумрачных видений.

Прошло несколько дней, но ни в районной газете, ни в новостях не было никакой информации о найденном теле мужчины. Мне даже начало казаться, что всё произошедшее также приснилось мне в бреду той беспокойной ночью. Так или иначе, но я ощущала успокоение оттого, что родители ничего не узнают, и отец не вздумает сделаться моим вечным телохранителем от несуществующего маньяка, ведь то существо... тот мужчина был несравненно опасней любого преступника. С того дня тёмные дороги и подворотни я стала обходить стороной, но это меня не спасло.

Возвращаясь с работы, я обыкновенно искала способы разнообразить изрядно надоевший путь домой и сбежать от клаустрофобии метро. Так, время от времени я делала крюк, чтобы гарантированно сесть на кольцо в маршрутку или дождаться электричку на вокзале. Втыкала в уши ракушки и ехала в Никуда, в Музыку, уносящую меня вдаль, во Время, которое точно замирает, несмотря на то, что дорога становится дольше. Я шурилась на солнце и слегка улыбалась, глядя в голубую бесконечность, за которой сокрыты неведомые далёкие миры. В наушниках гремела музыка, и когда машина победоносно взмывала на мосту, мне казалось, что за спиной у меня раскрываются чёрные, как у валькирий, крылья.

С детства любила я и умиротворяющий стук колёс электрички. Едешь в толпе каких-то людей, и тебе очень хорошо внутри себя, только вот солнечная сторона припекает. В какой-то миг поезд останавливался, некоторые люди выходили, некоторые заходили, мой взгляд то и дело замирал на случайном лице. Например, на молодом мужчине, спири виде которого я испытала нечто сродни озарению. Вроде бы тот же поезд, те же люди, только я, словно очнувшись ото сна, видела всех так ясно, что стало противно от режущих глаза вместо яркого солнца недостатков.

Тот мужчина, на котором остановился мой взгляд, очень неприятен, и я не могла понять, что именно не так. Вроде бы такой молодой да складный, наверное, многим он нравится, но эти наглые большие глаза выдавали в нём нечто страшное. Он недобр, он производит впечатление какой-то духовной грязи. Вот другой, сидит себе и не смотрит по сторонам, на щеке у него мелкие прыщики, хотя они тут ни при чём. Он тоже неприятен, перед моими глазами словно проносились картины из его жизни, где он гоготал в компании каких-то распущенных девиц. Он поверхностен и насмешлив. Вот и многие другие... В толпе не встретилось ни одного пассажира, который произвёл бы положительное впечатление с первого взгляда, и мне захотелось спрятаться от всех этих людей, при этом, возможно, даже вымыться.

В сумке лежала книга о Фридрихе Ницше – такой неожиданный выбор для девушки, читающей подобное не по принуждению преподавателей, а из искренней заинтересованности. И мне невольно вспоминались строки философа, написанные им в письме сестре, о том, что он никогда не находил никого, кто бы был его «расы». Это было письмо о пронзительном одиночестве человека, который не смог обрести духовной близости ни с кем из друзей, не говоря уж об остальных людях. Человека, который в итоге свёл себя с ума.

Я отвернулась к окну, и поезд в тот же миг погрузился в темноту, проезжая под мостом. В стекле я увидела девушку, молодую женщину с безрадостным взглядом. Лицо её мне казалось до боли знакомым; оно было тускло, как выцветавшая фотография, но ещё не так бесцветно, как лица порабощённых привычками и пороками попутчиков. Электричка выплыла из-под моста, и яркое солнце больно ударило в мои глаза. Вздвигнув, я отвернулась и поняла, что то была я сама, и что серая безликая бездна уже разверзлась за моими плечами, готовая принять новую жертву. Я стояла на самом её краю.

Да, в какой-то момент я начала недолюбливать людей, но в общественном транспорте любить их становилось особенно сложно. Однако в тот день, который я тоже буду помнить до тех пор, пока рассудок не покинет меня, мы всё же спустились в подземку вместе с коллегой, единственной из сотрудниц, которую я могла по-настоящему назвать своей подругой. Перед эскалатором с истерическим воплем: «Пропустите!» нас обогнал невысокий пожилой мужчина интеллигентной наружности. С видом деловитым и раздражённым он растолкал всех так, что Таня – моя подруга – едва устояла на ногах, и чуть ли не кубарем кинулся вниз по движущейся лестнице.

Проводив его полным осуждения и холода взглядом, способным вызвать угрызения совести, наверное, даже у закоренелого бандита, Таня повернулась ко мне и, пожав плечами, установила диагноз:

– По осени столько шизофреников в транспорте.

Изрекла она это с таким серьёзным видом, что я не сумела сдержать смех. Рассмеялась и она, и улыбка смягчила разгневанные черты лица. В связи с этой ситуацией мне вспомнился один школьный учитель. Вида он тоже был крайне интеллигентного, вызывающего уважение и даже доверие, однако стоило кому-то зашуршать обложкой или позволить шепоток, он начинал так орать, что становилось по-настоящему страшно, будто сейчас он, раскрасневшийся и доведённый до иступления, достанет топор и всех нас порубит. Конечно, вспоминала я это со смехом, поскольку спустя много лет история казалась курьёзной, но тогда почему-то никто не жаловался, хотя страх перед этой неконтролируемой агрессией был в каждом.

За этими разговорами мы прошли мимо какого-то мужчины, прислонившегося к мраморной колонне в ожидании поезда, и боковым зрением я заметила, как он чуть улыбнулся услышанному отрывку этого диалога и посмотрел на меня. Смутившись, я сбавила тон и украдкой бросила взгляд на этого человека. Он оказался довольно высок, стильно одет – быть может, не в «брендовую» одежду, но так опрятно, словно брюки были только что выглажены, а ботинки начищены до блеска; лицо его выглядело молодо, но волосы, аккуратно зачёсанные назад, уже тронула необычайно красивая седина, чередующаяся с тёмными прядями. У незнакомца оказался не самый красивый профиль, но ясные холодные глаза, сияющие на достаточно загорелом лице, придавали облику пушей броскости.

Через силу оторвав от этого человека взор, я отвернулась и тщетно попыталась скрыть смущённую улыбку. Таня, казалось, ничего не заметила, но я не была уверена, что не заметил он. И хоть мужчина первым посмотрел в мою сторону, мне стало неловко оттого, как вспыхнула я в ответ, ведь в транспорте почти никогда не переглядываюсь с незнакомцами. Что такие люди делают в подземке? Как пелось в одной песне, звёзды не ездят в метро, а он определённо был не так прост. И было в нём что-то знакомое, словно я видела этого человека раньше, но ощу-

щение это оказалось столь неуловимым, что я никак не могла вспомнить, где и когда испытывала нечто подобное.

Подошёл поезд, и монолитная толпа влилась в вагон. Мы с Таней проскользнули налево ближе к середине, и тогда я оглянулась в поисках того попутчика. Он стоял спиной к нам, через проход, и тоже почему-то оборачивался, окидывая людей взглядом. Таня что-то говорила, но я пропустила начало речи и теперь не понимала смысла сказанных слов. Вновь смутившись, что не слушаю подругу, я постаралась вернуться мыслями к реальности и продолжить наш диалог. Так мы проговорили всю остановку, пока вагон немного не освободился и нам не удалось сесть. Вновь бросив взгляд через проход, я надеялась лучше разглядеть седовласого незнакомца, но того и след простыл: вероятно, вышел на пересадочной остановке с основной массой людей.

Я понимала, что пути наши разошлись навсегда, и ощущала даже лёгкую грусть по этому поводу. Ох уж эти пятиминутные влюблённости в транспорте! И лишь подходя к дому, я вдруг осознала, кого напомнил мне попутчик, и от догадки мне стало холодно и неприятно. В этом человеке не было портретного сходства с моим воспоминанием, но сияющий льдом его взгляд и такой аккуратный внешний вид вызвали в моей памяти образ того жуткого ночного существа, встреченного недавно во тьме аллеи. И неприятное заключалось в том, что они оба были мужчинами определённого типажа, редко встречающегося и очень мне импонирующего.

Своим невольным воспоминанием я словно накликала на себя беду, ибо в этот же вечер, собравшись на курсы английского и выйдя из подъезда, я услышала за спиной чей-то голос:

– Здравствуй, милое дитя. Думаю, ты меня помнишь.

Голос был высоким, чистым и звенящим, но в то же время в этих звуках ощущалась сила, как если бы они шли из самых глубин грудной клетки. Таким хорошо поставленным голосом мог бы говорить оперный певец.

Внутри меня всё похолодело. Голос звучал незнакомо, и мне было страшно обернуться и увидеть того, кому он принадлежит, но всё же я посмотрела назад. Это оказался *он*. При свете он выглядел ещё выше, всё его тело было немного вытянуто вверх, что также подчеркивало чёрное пальто по фигуре. Однако мужчину нельзя было назвать худым или тонкокостным, и об этом говорили достаточно широкая грудная клетка и крепкий стан. Сегодня его волосы были собраны в хвост, отчего на неестественно белом лице ещё ярче смотрелись ясно-синие глаза, тёмные губы и веки. Можно было подумать, что мужчина пользуется косметикой, и это даже придавало ему странной красоты. Точёная линия челюсти, надменный контур прямого носа, бесстрастный лёд будто бы гипнотизирующих глаз – его лицо не было по-человечески красивым, но оно было красиво некой хищной, почти инопланетной красотой.

Он пребывал в абсолютной неподвижности, прислонившись к стене, поэтому-то я и пролетела мимо, ничего не заметив. Теперь же он отделился от замершей картинке и сделал шаг навстречу.

– погоди, не убегай, – вкрадчиво произнёс он. – Я тебя не трону... если ты сама того не пожелаешь, – на последней фразе он тихо усмехнулся, чуть обнажив выступающие белые клыки.

У него был немного странный выговор, как у человека, прожившего много лет за границей: несколько вычурная, жёсткая «Р» и какое-то змеиное произношение шипящих звуков. Хоть в это и невозможно было поверить, но передо мной стоял вовсе не человек, а одно из тех созданий, о которых люди слагали множество легенд, бледное, со смертоносно-острыми зубами и наверняка холодное, если к нему прикоснуться... С трудом в моей голове укладывалось это почти сказочное понятие – *вампир*.

– Ещё не стемнело... – подозрительно пробормотала я, словно желая опровергнуть свою догадку.

– Так ведь и солнца нет, – он пожал плечами. – Впрочем, солнце меня не тревожит и днём, если довольно пасмурно.

– Почему я должна вам верить? – спросила я после некоторого молчания.

– Я мог бы убить тебя сразу, – подняв брови, он снова пожал плечами и щёлкнул пальцами перед собой, как бы показывая, что сделал бы это в два счёта.

– Так отчего же не убили?

– Мне очень жаль, что напугал тебя. Никто не должен был этого видеть, – то ли уклончиво ответил, то ли ушёл от темы вампир.

– Почему жаль? Того другого человека ведь жаль не было.

– А тебе жаль животных, чьим мясом ты питаешься? – голос мужчины стал жёстким и властным.

– Вообще-то жаль, – нахмурилась я.

– Но ты их ешь, – ответить на это утверждение мне было нечего. – И мне тоже, может быть, бывает жаль, но пища есть пища, к ней привыкаешь.

– Извините, мне пора... я опаздываю.

Мне было неловко продолжать этот странный разговор. Не дожидаясь ответа, я пошла было прочь, но он вновь окликнул меня:

– Твоё сердце... оно бьётся *не так*... неправильно.

Я замерла на месте, чувствуя, как ускорилось биение этого сердца. Снова я оглянулась на собеседника, но на сей раз заинтересованно, – лицо его было серьёзным и даже суровым.

– *Поэтому* мне жаль. Ты тоже знакома со смертью не понаслышке, – добавил он чуть мягче.

В тот вечер я впервые не пошла на курсы и совершила, быть может, самый авантюрный поступок в своей жизни. Мы со Штефаном Тумашем – именно так звали вампира, и это имя очень подходило по звучанию к его произношению, – отправились гулять. Мы бродили вместе по тёмным аллеям парка, которых я зареклась избегать, и они вновь не были мне страшны. Речи мужчины зачаровывали своей чуть старомодной высокопарностью, витиеватым хитросплетением слов, мелодичными интонациями. Вкупе с его надменным выражением лица манера изъясняться делала образ Штефана ещё более высокомерным и неприступным, и отчего-то именно это привлекало меня особенно. Однако он был крайне корректен, благовраден; ещё никогда не встречала я человека, обладавшего столь сдержанными ледяными манерами, в каждом жесте которого читалось бы аристократическое происхождение.

Он много расспрашивал о моей болезни: когда это началось, как долго я лечилась, каковы прогнозы. Затем – о том, чем я живу и с кем. А мне словно хотелось выговориться откровенно и свободно, как можно рассказывать о себе только совершенно незнакомому человеку, не задавая вопроса, почему он тебя выслушивает. Когда же пришло время возвращаться домой, вампир проводил меня до подъезда и перед расставанием бросил внимательный взгляд на мою грудь. И я понимала, что его интересует вовсе не зона декольте, – он слушал биение моего сердца.

На следующее утро я проснулась в странном возбуждении за несколько минут до будильника, чего со мной ранее не случалось. Не было ни привычной утренней сонливости, ни лени идти на работу. Я проглотила завтрак, даже не почувствовав его вкуса, долго провозилась перед зеркалом, решив сотворить что-нибудь с волосами, и полетела из дому прочь, словно ноги мои были облачены в крылатые Гермесовы сандалии, а не в обыкновенные осенние ботиночки.

В кабинет я впорхнула с непривычной улыбкой, мурлыча какую-то мелодию под нос, что, безусловно, не осталось незамеченным в женском коллективе, как и новая причёска, и платье, о существовании которого я даже забыла, бегая на работу в удобных брючках. Я и сама не могла понять, отчего именно сегодня открыла глаза и увидела этот новый день от лица

какой-то другого человека – девушки, которой хотелось быть весёлой, красивой, женственной, которой нестерпимо хотелось *жить*.

Как только я приземлилась на стул, опоздав и запыхавшись, мне первым делом сказали, что я сегодня особенно загадочная и романтическая. «Глаза так горят. Это любовь!» – восклицали они. У меня ячмень вскочил, ворчала я в ответ, вот и весь эффект горящих глаз. «Да нет же, действительно что-то такое есть». Я об этом не думала и даже не чувствовала, но в тот момент решила, что это всё из-за такого хорошего вечера накануне.

С этим позитивным настроем рабочий день пролетел незаметно, и домой я ехала с наивной улыбкой на губах, находя красоту в вечерних лучах солнца и последних осенних цветах, растущих вдоль обочины, словно новорождённая, впервые познающая этот мир. Я действительно ощущала себя влюблённой, но не в кого-то конкретного, а в целый мир; в какое-то свежее ощущение жизни, пребывавшее со мной с самого утра; в предчувствие чего-то нового и неминуемого, что ждало меня впереди.

– Света! – вырвал меня из этой задумчивости женский голос, показавшийся смутно знакомым.

Я подняла глаза и, сфокусировав взгляд на окликнувшем меня объекте, увидела простоволосую расплывшуюся молодую женщину в тренировочных штанах и выдавшей виды бесформенной куртке, опоясывающей уже довольно округлый живот. На руках она держала маленькую лупоглазую собачку, на прогулку с которой, вероятно, и вышла, а рядом стояла маленькая девочка с русым хвостиком, которая, смешно смущаясь, тоже со мной поздоровалась. Не сразу узнала я в этой женщине свою давнюю школьную подругу, слышную в классе модницей и красавицей.

– Ой, Надя? – воскликнула я. – Не узнала – богатой будешь!

– Это хорошо бы, – она рассмеялась, и лишь по этому смеху я узнала окончательно свою старую добрую Надюшку. – Ну как ты?

– Да нормально, – пожала я плечами. – А у тебя, я вижу, скоро ещё одно прибавление. Поздравляю!

– Спасибо.

– Сколько ж лет мы не виделись? ...шесть?

– Да, кажется, с моей свадьбы и не виделись... – улыбнулась она чуть более натянуто и, как мне показалось, печально.

И я действительно вспомнила, что видела подругу в последний раз очень красивой, счастливой, светящейся, в роскошном белом платье и жемчугом в волосах. А буквально на следующий день она исчезла, словно перестала существовать для внешнего от их новоявленной семьи мира, прекратив с ним всяческие контакты. Я тогда решила, что муж запретил ей общаться с бывшими друзьями.

– Слушай, ты торопишься? – спросила вдруг Надя. – Давай зайдём ко мне на чаёк? А то живём в одном доме, но не видимся годами.

– Давай, – легко согласилась я. – Спасибо.

Это была та самая квартира, в которой Надя во время учёбы жила с родителями, где я так часто бывала в гостях. Я ещё помнила запах варёной картошки, которой кормила нас после школы Надина мама, помнила, как была обставлена её комната, как был оклеен всякими вырезками и постерами её шкаф. Здесь мы могли часами болтать, предаваясь мечтам и фантазиям, слушать музыку и танцевать на столе, и мне казалось, что у нас с Надей был целый свой мир на двоих.

Но сейчас, конечно, всё здесь было по-другому. Почти сразу после окончания учёбы она вышла замуж за мальчика, учившегося на два класса старше нас, и родители оставили эту квартиру им, переехав в другой район. Теперь это был дом Надежды и Дениса, со своими запахами,

с современным ремонтом, и у меня даже не получалось ощутить ту прежнюю атмосферу под слоем новых обоев и ламината.

Маленькая дочка Нади убежала в комнату смотреть мультики и тискать собачонку, и мы остались с подругой вдвоём, как когда-то давно, в тесноте кухоньки.

– Ты отлично выглядишь, – сказала Надежда, наливая мне чаю. – Прямо вся светишься.

Я смущённо поблагодарила девушку, мне хотелось бы сказать: «И ты тоже», но я не собиралась ей врать. И дело было вовсе не во временных изменениях, свойственных женщинам в её положении, – Надя действительно выглядела хуже, чем я привыкла её видеть. Немытые, давно не видевшие парикмахерских ножниц волосы, первая попавшаяся под руку одежда, сочетание которой она раньше никогда бы не надела даже в магазин. Было заметно, что она перестала за собой следить, что она не просто повзрослела и располнела, а как-то даже постарела и внешне, и внутренне.

– Замуж-то ещё не вышла? – задала она такой будничным и банальный вопрос, свойственный типичному однокласснику из анекдотов, с которым не хочется встречаться.

– Замуж? Нет, – немного удивившись, ответила я.

– Пора бы, пора, – со знанием дела и довольной улыбкой покачала она головой. – Но мужик-то есть, я надеюсь?

Меня покорило от данного словесного оборота, и несколько секунд я внимательно смотрела на собеседницу, тщательно подбирая слова для ответа, дабы он прозвучал не слишком ехидно.

– Мужика, – с лёгким нажимом произнесла я, – нет. Но с моей личной жизнью всё в порядке, если ты об этом.

Произнося эту ложь, я отчего-то вспоминала вчерашнюю прогулку со Штефаном Тумашем. Мне подумалось, что он не обидится на столь невинный обман с использованием его образа, однако я была недовольна тем, что повелась на провокацию, ведь синдромом «тикающих биологических часов» сама не страдала никогда и даже высмеивала тех, кто ищет в данной теме повод для хвастовства и превосходства.

– Ну а вы с Денисом как поживаете? – так же дежурно поинтересовалась я, решив сменить тему. – Где ты училась после школы?

– Ой, а я так и не поступила! – отмахнулась Надя вилкой, которой только что отправила в рот кусочек вишнёвого пирога. – Как Катюшка родилась, так мне и не до этого было, а сейчас вот сыночка ждём. Но Денис молодец, нам на всё хватает, а мне эти учёбы ни к чему, я занимаюсь женским делом – род наш продолжаю, – она рассмеялась, похлопав себя по животу. – Правда, сейчас мы хотим на даче бассейн сделать, чтобы после баньки окунаться, так что приходится экономить.

– Здорово, – кивнула я и зачем-то добавила: – Бассейн – это... хорошая штука.

Меня начало охватывать лёгкое напряжение оттого, что я не знала, о чём говорить дальше. От перебирания банальных тем для бахвальства меня лихорадило, а одноклассников, которым обычно перемывают косточки в подобных случаях, я видела давно. Я не узнавала свою Надюшку, и проблема была даже не в том, что мы обе повзрослели для танцев на столе и подростковых мечтаний. Я просто не могла понять, как человек, которого я считала близким себе по духу, по мировоззрению, с которым мы всерьёз обсуждали вероятность существования потусторонних миров и жизни на других планетах, читали книги и строили общую вселенную, мог после нескольких лет разлуки первым делом спросить про наличие мужика и рассказывать о баньке и бассейне. Подобным ехидным бравированием ведь обычно занимаются лишь ставшие друг другу чужими люди. Почему Надя, которой бы я желала самой лучшей судьбы, так и не получила никакого профессионального образования, вель была такой целеустремлённой и амбициозной; почему не развивается хотя бы самостоятельно; почему перестала хотеть быть

красивой и женственной, словно ей не для кого это было делать... Почему у неё такой потухший, неживой взгляд, а слова точно сочатся ядом.

Молчание прервал дверной звонок, в ответ на который Катя выбежала из комнаты с криком: «Папа пришёл!», а за ней со звонким лаем выкатилась собачка. Мельком я заметила, как на глаза Надежды набежала тень, как засуетилась она, поднимаясь с табуретки.

– Наверное, мне пора, – поднялась и я, желая помочь сгладить странную неловкость момента.

– Нет-нет, что ты, – остановила меня Надя. – Просто я тут рубашки Дениса постирала, и они полиняли... Попадёт мне теперь.

– А я скажу папе, чтобы он на тебя не ругался, – послышался снизу голосок дочки, прильнувшей к Надиному бедру.

Ах, наивная трогательная девочка! Если бы всё было так просто. А просто в этой семье, насколько сложилось у меня впечатление, не было ничего.

Дениса я тоже не сразу узнала: он раздобрел, заматерел и уже начал немного лысеть. Смерив меня недовольным взглядом и буркнув что-то в качестве приветствия, он кивнул Наде головой в сторону комнаты и скрылся за её дверьми. Извинившись, за ним последовала и сама Надя, выгнав дочку смотреть дальше мультики. И я осталась одна в чужой кухне, обоняя алкоголь-сигаретный шлейф, оставленный Денисом в коридоре. Он не был сильно пьян, но, судя по запаху, выпил пару бутылок пива или ещё что... Отчего-то мне подумалось, что это было привычным делом в данной семье, и на душе стало ещё горче. Семья – это хорошо, если она счастливая, но почему-то у меня не получалось искренне порадоваться за свою старую подругу, за её новую жизнь. Не за такую.

Поначалу в комнате было довольно тихо, но постепенно мужской голос стал повышаться, из-за чего до меня доносились обрывки фраз:

– Потому что делами надо заниматься... – возмутился Денис. – ...не работаешь, а только с подружками языком треплешь. ...нечего тебе с какими-то пустыми девицами тратить время!

Я нервно усмехнулась. Этот совершенно чужой «мужик» с, вероятно, крайне глубокой и тонкой душевной организацией только что поставил крест на моих моральных качествах, и мне почему-то от этого стало смешно. Захотелось рассмеяться ему прямо в лицо и сказать что-то обидное, да хотя бы просто правду, но вместо этого я с горькой улыбкой поднялась на ноги и, не прощаясь, вышла из этой квартиры, где мне вдруг стало нечем дышать.

Ветер в тот день буйствовал, зло толкаясь и швыряя в глаза песком. А если повернуться лицом к этому бурному воздушному потоку и медленно глубоко вдыхать, казалось, будто ты приподнимаешься над землёй, и останавливается время. Время, которое словно специально сместилось, чтобы я оказалась в нужный момент в нужном месте, задержавшись с человеком из прошлого. И, несмотря на неприятную сцену, настроение моё оставалось по-прежнему парящим, и сердце билось чуть быстрее. То ли оттого, что ветер был сегодня таким агрессивным, то ли просто потому, что наступил вечер, который я ждала с необъяснимым нетерпением.

На подходе к своей парадной я вновь увидела Штефана, как и вчера, но сегодня меня это не напугало, а словно бы стало глотком свежего воздуха после удушающе-тяжёлой атмосферы Надиной семьи.

– А я уж думал, что опоздал, – воскликнул мужчина, завидев меня. – Сегодня я пришёл позднее, нежели вчера.

– Я тоже задержалась, – ответила я ему, едва сдерживая облегчённую улыбку от предвкушения нового вечера, полнящегося неведомыми мне доселе ощущениями. – Но теперь я абсолютно свободна...

С тех пор на английском я больше не появлялась. Каждый раз, уходя на курсы, на самом деле я встречалась со Штефаном. Мы гуляли, ходили в кафе, где он угощал меня чем-нибудь

вкусным, а сам, сидя напротив, с интересом наблюдал, как я что-либо поглощаю, – казалось, этот процесс доставлял ему удовольствие. С видом гостеприимного хозяина он ухаживал за мной, подливая добавку из чайника или же расправляя своими пальцами салфетку и подавая её мне, и в эти минуты он казался таким заботливым, уютным и совершенно земным. Да и говорили мы на такие же простые, отвлечённые темы, как нормальные люди, без пафоса, без надуманности. Мне казалось, что нам есть о чём поговорить, даже если я вспоминала какие-то университетские байки. Поначалу я не могла понять, неужели ему и вправду весело от подобной человеческой болтовни, но он с охотой её поддерживал, и я остановилась на предположении, что, быть может, вампиру просто одиноко и не с кем развеяться подобным ни к чему не обязывающим образом.

– Ты пахнешь лугом и цветами, – заявил он серьёзно, пока я отпивала из чашки горячий чай с ягодами облепихи и листьями мяты. – Очень многие современные женщины пахнут кофе. Пить его сейчас модно среди людей, а ты не пьёшь. Почему?

Чай – напиток просветления, лёгкий, прозрачный, утоляющий жажду. В противовес же густой и горький кофе – верный спутник депрессивных анорексичек, затягивающихся тонкой сигаретой, или опытных мужчин с томными взглядами. В моём понимании он всегда был напитком тягостных дум, пасмурных вечеров и внутреннего саморазрушения. И хотя последним я занималась почти всё время, ощущая жизнь ярче лишь с привкусом декадентства, кофейной манией я не заразилась и не разделяла её, отдавая предпочтение чаю.

– Я люблю чай, – пожалала я плечами. – А кофе пью по утрам, чтобы проснуться. Летом я люблю вставать рано, чтобы выпить на балконе кофе с молоком и помолчать, глядя в свежее туманное утро и непривычно пустой и тихий двор. В такие минуты суэта утренних сборов замирает, и ты остаёшься наедине со всем этим ещё не проснувшимся миром. Это многого стоит.

Штефан слушал меня внимательно, с лёгкой одобряющей улыбкой и даже теплотой в глазах, будто сказанное мной соответствовало тому, чего он хотел бы услышать. А потом просто и мягко произнёс то, отчего мне сначала стало тепло, а потом бросило в дрожь:

– И правильно. Тебе не надо поддаваться этой моде. Я не люблю женщин, отравленных ароматом кофе. Обыкновенно мне их не жаль...

– А какие напитки любил ты? – неловко я попыталась вернуть разговор в иллюзорно-человеческое русло. – Ну... когда ещё употреблял их.

Вампир усмехнулся и откинулся поудобней на спинку дивана.

– Кофе я пил тоже, но любил щербет. Мне и сейчас ничто не мешает их употреблять.

В один из таких совместных вечеров я предложила сходить в кино. Тогда как раз шла пользовавшаяся бешеным успехом у девочек всех возрастов вампирская сага, и мы с разительным единодушием и весельем остановили свой выбор именно на ней. Стоя в очереди в кассу, я мысленно смеялась, что многие из этих девочек подумают сейчас, что я фанатка этого фильма, раз пришла с мужчиной, так похожим на вампира. А вампир этот тем временем со шкодливым выражением лица делал невинные глаза и разглядывал интерьеры кинотеатра. Во время сеанса же я немного заскучала, но, бросив взгляд на Штефана, заметила, как внимательно он следит за событиями на экране, и по его лицу невозможно было прочесть ни одной эмоции. Мне почему-то стало очень смешно.

После фильма Штефан меня спросил:

– Света, ты читала эту книгу?

– Да, довелось.

– И как тебе... *saga*?

– Мне её подарила подруга, когда я лежала в больнице. По правде, книжка помогла мне тогда не сойти с ума, хотя ничего особенного собой не представляет. А ты... тоже читаешь подобную литературу?

– О да, я читал, – кивнул он с серьёзным видом, и его тёмные губы начали расплываться в широкой улыбке. – Нет, правда, ваши человеческие фантазии на эту тему бывают очень забавны.

Он расхохотался заразительным громким смехом и смеялся долго, не в силах остановиться, оголив свои хищные зубы, и было в этом издевательском смехе нечто пугающее.

В следующий раз Штефан заехал за мной на внушительном «Кайене» глянцевого чёрного цвета и сразу же заявил, что мы едем к нему в гости. Джипом он управлял легко и вольно, как будто это чудо техники было изобретено ещё до его рождения, а не наоборот, и, обгоняя прочие авто, вскоре мы выехали за город.

У Штефана оказался целый двухэтажный особняк с фасадами, вымощенными декоративным камнем. Стены между окнами были густо увиты плющом, а над конусообразной стальной крышей на фоне луны темнел флюгер. В целом здание не отличалось какими-либо особыми излишествами, но выгодно выделялось на фоне соседских домов, напоминая строгий средневековый замок.

– Какой роскошный дом! – восхищённо ахнула я.

– Я привык к несколько иным жилищным условиям, – равнодушно ответил вампир. – Но этот дом – самое большое, что я мог себе позволить, чтобы не привлекать к моей обители излишнего внимания.

Внутренняя же обстановка поражала своим размахом. Здесь также не было излишне ярких цветов, большой декоративной нагруженности или барочных золотых элементов, которые так любят дорвавшиеся до роскоши современные богачи. Однако каждая вещь в отдельности была очень дорогой и сделанной на совесть, либо по-настоящему старинной. Во всём доме царил виртуозное смешение стилей: отреставрированная до отличного состояния антикварная мебель соседствовала с самой современной техникой, а мрачные тона обоев и тяжёлых штор и массивная винтовая лестница из тёмного дерева придавали помещению готической атмосферы.

Штефан провёл меня по всему дому, описывая каждую комнату, и с исследовательским интересом наблюдал за моей реакцией. Наверное, он гордился тем, как продумал всё до мелочей. А мне казалось, что я присутствую на экскурсии в невиданном мною доселе музее этого пригорода, и без того богатого на достопримечательности. То, как человек живёт, а особенно, если он живёт один и в состоянии обустроить всё по своему вкусу, многое говорит он нём как личности. Для Штефана были важны статусность, фундаментальность и качество вещей, он наполнял своим мировоззрением и многолетним опытом пространство вокруг, создавая мирок, подчиняющийся лишь его правилам, и меня почему-то это неподдельно восхищало.

– Ты живёшь здесь один?

– Да.

Я задала этот вопрос машинально, не задумываясь, но, услышав ответ, вдруг почувствовала странный волнительный укол в глубине души, наделённый неуловимым смыслом.

– Неужели в нашем городе больше нет *таких, как ты?*

– О, их много, – мне показалось, в его голосе прозвучали нотки сарказма.

– И что, вы не общаетесь? – я задавала вопросы осторожно, словно шаг за шагом ступала по лесному ковру, не желая выдать себя хрустом сломанной ветки.

– Мы общаемся. Иногда, – со вздохом пояснил Штефан, как если бы этот вопрос его утомил, но он считал тактичным всё же на него ответить. – Но... у *хищников* должен быть свой ареал, в который остальным нет доступа.

– То есть такого не бывает, чтобы вампиры жили вместе, вместе охотились? Ты хочешь сказать, что вампирской дружбы и любви не существует? – брови мои удивлённым домиком взлетели вверх.

С мгновение он молчал, внимательно взглядываясь в моё лицо, словно читая по нему что-то. Глаза его, не видевшие солнца много лет, были прозрачными, как будто на них падал яркий дневной свет.

– Существуют. Но эти отношения не похожи на то, о чём ты говоришь.

– Так почему ты один? – вырвалось у меня, о чём я тотчас же пожалела.

– А ты почему одна? – спросил он в ответ с вызовом, приподняв одну бровь, и добавил после паузы, смягчившись: – Ведь ты такая красивая.

Я растерялась, кровь ударила мне в лицо, и, кажется, я покраснела. Я даже не могла понять, что больше смутило меня: столь прямолинейный вопрос или же мимолётный комплимент – роскошь, к которой я совершенно не привыкла. Но мужчина продолжал пристально смотреть мне в глаза, непоколебимо ожидая ответа.

– Почему ты проводишь вечера со мной, а не с любимым мужем или же женщинами, страдающими кофеманией и скукой, верящими мужчинам и в фильмы про якобы вампиров? Или чем там нынче занимаются современные молодые люди? – Штефан говорил с напором, но без раздражения, лишь в последней фразе чётко слышалось откровенное пренебрежение к людям.

– Ты считаешь, что мужчинам верить нельзя?

Он усмехнулся почти добродушно.

– Верить нельзя никому. Кроме тех, кого можешь назвать своей семьёй.

Я задумалась над сказанным, но взгляд Штефана очень отвлекал, и какая-то важная мысль постоянно ускользала от меня. Тогда я произнесла:

– Я действительно почти никому не верю. А с тобой провожу время, потому что мне интересно тебя познать, ты для меня загадка. И ещё потому, что мне отчего-то хочется тебе верить, хоть ты и мужчина.

Взгляд вампира на мгновение оттаял, словно он не ожидал услышать чего-то подобного.

– Но я живу слишком давно, чтобы вести себя как человек, и слишком давно по другую сторону человечности, чтобы таковым себя считать.

– Да, я знаю, – улыбнулась я мягко в ответ. – Но мужчине-человеку и просто людям доверять мне тоже доводилось.

– И где же они теперь? – губы Штефана искривились в кривой хитрой улыбке. – Где этот мужчина?

– Прошлое забрало их всех вместе, – ответила я с лёгкой грустью.

О том прошлом я более не жалела, но вспоминать печальное сейчас не хотелось.

– В общем-то, схожая история, не так ли? – торжествующе заключил он, бросив на меня назидательный взгляд свысока.

Теперь мы стали видеться почти каждый вечер, но больше не тратили наши считанные часы на прогулки, а ехали сразу к нему. Там время, казалось, хоть немного, но замедляет свой ход. Я продолжала прогуливать курсы, но дома ничего об этом не говорила, поскольку пропадала где-то каждый вечер, и объяснить это бесконечными встречами с друзьями, было невозможно. Версию с друзьями я приберегала на те случаи, когда не возвращалась домой до рассвета. Вероятно, мать с отцом считали, что у меня какой-нибудь роман, а я была этому даже рада, потому как о том, чтобы рассказать им про Штефана, не могло быть и речи.

Я и сама не могла определить природу наших отношений. Мы не были ни любовниками, ни друзьями, тем не менее, это было нечто более глубокое и проникновенное, нежели дружба.

Это была порочная связь между хищником и его жертвой, балансирующая на тонкой грани недозволенного.

Мы продолжали много говорить – о музыке, об искусстве, о том, как меняется мир, о себе... Порой эти разговоры становились столь интимными, что я, покраснев, боялась дышать, дабы моё сбивчивое дыхание не выдало волнение, овладевавшее телом. Но скрыться от острого слуха вампира не представлялось возможным, и это несколько его не смущало, – напротив, он держался так, словно имеет полное право владеть и повелевать моими ощущениями.

Ему хотелось знать, чем живут современные обычные люди, он спрашивал меня о том, как прошёл мой день, и каждый раз этот элементарный вопрос ставил меня в тупик. О чём я могла рассказать? О том, как работала восемь часов подряд? Или какие темы сегодня обсуждали коллеги? Что я ела на завтрак или каких людей видела в метро? Будние дни были настолько заполнены теми функциями, которые я обязана была выполнять, что их жизненная составляющая сводилась лишь к нашему ежевечернему общению. Люди уже давно перестали искренне интересоваться друг у друга, как дела, превратив это выражение в раздражающую фразу, с которой многие неумело начинали диалог. Тогда я представляла, что было бы, ответь я кому-нибудь на подобный вопрос правду: что вчера ощущала, как чёрные крылья раскрывались за моей спиной, когда маршрутка на скорости съезжала с моста; что порой вечерами, глядя в ночное небо, я испытываю странное желание бежать в эту ночь, совершенно не зная, зачем, лишь повинувшись неслышному зову; что порой время словно замирает, и в разверзнувшемся пространстве я вдруг осязаю мгновение каждой клеткой своего организма? Какой ярлык они на меня бы повесили мысленно и что бы сказали вслух? О, совсем не это люди желают услышать в ответ на равнодушный вопрос «как дела?». Но что могут сказать о человеке и такие же формальные ответы о том, кем работаешь и сколько получаешь, есть ли у тебя мужик и дача с бассейном?

Но Штефан продолжал упрямо меня допрашивать, а я не стеснялась говорить то, что думаю на самом деле. И про крылья, и про замирающее дыхание, и про страстное желание сбежать куда-то за горизонт. Вампир слушал с совершенно серьёзным видом, словно бы понимал, что значат для меня все эти ощущения, и ни на миг мне не показалось, что он мог бы просто подыгрывать. Оказалось, я очень быстро забыла, как жила раньше без этих встреч и разговоров. Я пыталась вспомнить, чем было наполнено моё свободное время раньше, но на ум приходило лишь бесконечное моральное одиночество в толпе людей в транспорте, на работе, на концертах или в театрах, на встречах и даже среди знакомых. Всё это казалось мне настолько чужим, словно отмершая змеиная кожа, что я поспешно отбрасывала мысли о прошлом и не могла понять, в какой же момент настолько привязалась к этому новому общению, ради которого с лёгкостью жертвовала всеми прочими встречами, интересными курсами и просто свободным временем.

Затем Штефан просил рассказать о моих друзьях, коих было у меня совсем немного. Я рассказывала и о них под его пристальным взглядом, умеющим покрывать душу льдом и приковывать к месту так, как если бы тебя прибили гвоздями к стене. Возможно ли было не отвечать на вопросы под этими пытками?

Иногда он вставлял какие-то язвительные комментарии в адрес некоторых из описанных мною людей, и я сдержанно улыбалась, поскольку Штефан очень точно угадывал и моё к ним отношение. Но угодить он мне не старался ни в коей мере, потому как если наши точки зрения в чём-то не совпадали, голос мужчины становился жёстким, не терпящим возражений, отчего мне сразу хотелось сжаться в комочек и поскорее закрыть неудачную тему. Сейчас же, спустя время, я понимаю, что мне даже нравилось нарываться на подобную реакцию, ведь в раздражении Штефан был особенно прекрасен.

Одной из тем, вызывающих в нём оживление, оказалась религия. Рассказывая о своих знакомых, я вспомнила одну девочку, с которой мы вместе учились в университете. Как это обычно случается, мы приглянулись друг другу с первого дня учёбы, сели тогда за одну парту, и как-то так повелось, что до конца пяти лет обучения в глазах группы мы считались подружками, хотя душевная наша близость оборвалась довольно быстро. Девочка эта была приезжая, поначалу пугливая, как оленёнок, встающий на тонкие дрожащие ножки, посему спокойная подруга из местных жителей была ей очень кстати. Однажды она призналась, что за все свои восемнадцать лет ни разу не бывала в церкви, кроме того дня, когда её крестили ещё младенцем. Почему-то именно сейчас в ней проснулось желание приобрести данный опыт, и она спросила, бывала ли в церкви я.

Я бывала. Меня водили родители, мне случалось посещать исторические храмы разных городов. И хоть воцерковленной я не была никогда, всё же представление имела неплохое. Тогда эта девочка попросила меня отвести её в ближайшую церковь, потому что ей было очень страшно идти туда одной.

Сей факт очень позабавил Штефана, губы его растянулись в медовой улыбке человека, предвкушавшего интересную сплетню.

– И что, ты стала для неё проводником к дому Божию? – спросил он с иронией.

– Да, я отвела её в деревянную церквушку через дорогу. Конечно, церковь эта была новая, а иконы в ней не намоленные, но подружка моя так боялась, точно из неё дым пойдёт, если она переступит порог, – я вспоминала пугливость этой девочки в большом городе с улыбкой. – Когда мы зашли, я показала ей, как надо ставить свечки, и она даже помолилась.

– Очень уж ей грехи, видимо, хотелось на кого-то свалить, – в голосе Штефана послышались нотки презрения.

– Ну почему, – я не понимала перемены его настроения, – быть может, просто родители были настолько от всего этого далеки, что не познакомили её с данной сферой жизни, а ей стало интересно...

– С таким нетерпением интерес к подобным вещам не возникает, – отрезал его стальной голос. – Так спешат, когда сзади уже припекает пожар совести, и языки его пламени облизывают пятки. Как там говорится? Когда петух жареный клюнет? – Штефану эта фраза была явно чужеродной, хоть он и запомнил её смысл. – Тогда люди очень смешно бросаются в подобные заведения и просят, просят прощения у своего Бога, и к ним приходит иллюзия облегчения. Они и не задумываются, что в этих «домах Божиих» Бога не было и нет, что это должно быть, прежде всего, в их душах. Но нет же, получив индульгенцию, люди с чистой, как в банный день, совестью могут пойти совершать грязные поступки дальше, тотчас забыв о каких-либо там заветах. Ведь очень легко забывать о том, что уже много веков мертво в их обмельчавших душах.

Холодная агрессия, проснувшаяся в мужчине, меня напугала, и я даже пожалела, что заговорила обо всём этом. Но, несмотря на жестокость его слов, речь эта звучала настолько осмысленной и верной, что мне вовсе нечего было возразить. Ещё ни разу я не слышала столь чёткой точки зрения на эту тему, словно он озвучил нечто, о чём я даже не решалась думать.

– Ты, верно, пережил множество разочарований, раз так говоришь, – осторожно произнесла я после некоторого молчания.

Казалось, немигающие глаза Штефана заглянули вглубь моей души, но сам он так ничего и не ответил.

– Да, безусловно, куда больше, чем я, – прервала я молчание, ответив за него. – Но позднее та девочка действительно совершала много нехороших и даже, как ты выражаешься, грязных поступков.

Мужчина едва заметно кивнул, но вновь промолчал, и тогда я продолжила:

– А ты... ты там не бываешь? Ты можешь заходить в церкви?

– Отчего нет? – пренебрежительно передёрнул он плечами. – Только мне давно в том нет никакой нужды.

На сей раз замолчали мы оба, мне показалось, что у Штефана испортилось настроение, но первым заговорил он:

– Расскажи лучше о своих разочарованиях. О мужчинах, которым доверялась.

Он потребовал это так мягко, что слова прозвучали почти доверительной просьбой, на которую невозможно было ответить отказом.

Ещё ни с кем я не говорила об этих своих чувствах. Похоронив их однажды, я пережила эту скорбь в себе и закопала те переживания на самом дне души, стыдясь открыть их кому-либо, словно они принадлежали совсем другой мне, наивной и доверчивой. Невесело улыбнувшись, я впервые за всё это время выудила из-за пазухи заржавевшие ключи от тёмного чулана прошлого и, отперев замки, с опаской заглянула в ту стылую тьму, чтобы погрузиться в неё в этот вечер вместе со Штефаном.

– У него были холодные руки, – медленно, пробуя на вкус давно забытые ощущения, начала я. – Холодные, жёсткие, тонкие, с выпуклыми венками на тыльной стороне ладони. Мои же ладони, как правило, были горячи, я касалась подушечками пальцев этих вен и слышала, как пульсация его сердца перекликалась с моей. Это было похоже на соприкосновение раскалённой стали с поверхностью родниковой воды, – бросив мельком взгляд на вампира, я поняла, что он, царственно откинувшись на спинку кресла, глядит на меня и внимает каждому моему слову. Тогда я продолжила: – Его быстрая речь очень шла ему, подвижному, лёгкому, стремительному, как по роду деятельности, так и по собственному естеству. В этой жизни он сумел найти себе подходящее место: недаром и до сих пор весьма успешно работает менеджером, насколько мне известно. Его немного сиплый, словно у взрослеющего подростка, высокий голос воспроизводил слова с такой чёткостью и скоростью, точно складывал гипнотическую шаманскую песню. Наверное, таким же образом он заговаривал зубы заказчикам. А я никак не могла прочесть выражение его глаз. Ещё никогда я не видела глаз такого цвета – серо-жёлтого, песчаного. Они говорили определённо что-то другое, нежели его упоительные, приветливые речи. Но мне хотелось верить, что вовсе необязательно плохое, что он просто думает о чём-то своём. Всё в этом человеке располагало с первых же минут, и мой внутренний голос срывался, крича о том, что как раз такому и нельзя верить. Но поверить очень хотелось.

Наши отношения развивались легко и глупо, но мне тогда было всего двадцать. Он приехал с Дальнего Востока и снимал квартиру в центре города. Этот район весь пропитан атмосферой утончённой старины и декадентской нищеты. Он славится узкими тихими улочками, вековыми домами с обветшалыми фасадами, дворами-колодцами со страшными скрипучими лифтами в застеклённых шахтах и прямоугольником неба над головой.

Желтоглазый, как я тогда его прозвала, часто собирал у себя гостей на весёлые вечеринки в этой полной чужих воспоминаний квартире. Там мы с ним и познакомились в общей студенческой компании, напевая дурными голосами песенки под гитару на кухне с распахнутым в тёплую летнюю ночь окном. А потом мы выбегали подышать воздухом и бродили по этим пустым узким улочками и устрашающим дворикам в сумерках белых ночей, держась за руки, и страшно совсем не было. Казалось, в такую ночь с нами ничего не может случиться. Тогда-то и начался наш наивный, трогательный, как мне тогда казалось, роман. Мне с Желтоглазым было очень свободно, как бывает, когда приезжаешь в одиночку в незнакомый город. Я была так одурманена его позитивной аурой, что и не замечала, как шли месяцы, но человек мне не открывался. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что толком и не знала о нём ничего, кроме того, что он любил свободу и умел создавать её ощущение.

Заметив, как губы Штефана скривились в недоброй ухмылке, я вдруг спохватилась:

– Да, наверное, такие подробности тебе не интересны, извини. Это было так по-детски...

– Нет-нет, продолжай, – растянул он губы чуть шире. – Ты отлично описываешь, очень... характерный портрет создаётся.

Я недоверчиво покосилась на собеседника, но всё же продолжила свой рассказ:

– Мы встречались больше полугода, а потом наступила зима. Всё закончилось так же неожиданно, как выпадает первый снег, погребая останки опавшего летнего величия. Он уехал в свою Находку на несколько недель перед защитой диплома, а вернулся с какой-то девочкой аккуратных манер и телосложения с очень колкими мышинными глазками, которые так и стреляли недобро по сторонам. Он намеренно не сообщил мне о своём приезде, а нашим общим друзьям представил свою спутницу как невесту, с которой они, оказывается, были обручены ещё до его поступления в университет и собирались пожениться после окончания учёбы. Как позднее оказалось, её отец открыл в нашем городе филиал своей компании, куда устроил и доченьку, и будущего зятя.

У них была уже куплена квартира, в которую невеста и поехала, а Желтоглазый отправился в свою съёмную, чтобы собрать вещи и расплатиться с хозяином. Тогда он попросил меня прийти: хотел, видимо, навешать на уши очередной лжи, которую я слушать не желала, ибо на тот момент уже узнала обо всём, но мне важно было услышать хоть что-то. Послушать, что он вообще сможет сказать в своё оправдание. Ко мне внезапно пришло осознание того, что я отдавала и открывалась не только непомерно больше, нежели получала взамен, но, что ещё хуже, это попросту не было ему нужно. Он проводил со мной время лишь от скуки, пока выгодная пассия была далеко, словно не было у меня ни чести, ни достоинства, ни гордости. В голове никак не укладывалось то, что я могла настолько ошибиться, ведь никакой нормальный человек не поступил бы подобным образом с тем, кто к нему относился, как относилась я.

Я умолкла, пытаюсь унять дрожь от всколыхнувшейся злости, зачерствевшей со временем и позабытой. Мой лоб рассклала хмурая глубокая складка, а Штефан всё так же неподвижно смотрел на меня, ожидая развязки.

– То была страшная ночь, – ответила я на говорящий взгляд вампира. – Я поняла, что всё-таки чертовски слаба. Желтоглазый встретил меня, сияя своей отвратительной фальшивой улыбкой, пытаюсь делать вид, что всё отлично, всё так, как и должно быть. Он не оправдывался, не просил прощения. Тонем человека, совершающего выгодную сделку, он благодарил меня за проведённое время и предлагал и далее оставаться друзьями. «Ну что ты расстраиваешься, было же так хорошо и весело! А теперь настала пора серьёзных дел», – говорил он. О, это лицемерие! Я желала, чтобы он куда-то делся или даже умер, лишь бы не видеть в тот момент этого человека, но сама лишь разрыдалась на его плече и ненавидела себя за это. Терпела поцелуи его осквернённых губ, словно нет у меня человека ближе. Мне хотелось кричать о том, что он меня убил, но мысленно кричала в небеса: «За что, Господи? Ведь я не самый плохой человек на этой планете, чтобы так... я не заслужила!». Но и на это я слышала в ответ лишь безразличное молчание...

– Что ты испытывала к нему? – прервал меня Штефан тоном психоаналитика, изучающего своего пациента, но именно такой прямой, простой вопрос вдруг заставил меня задуматься.

Позднее я осознала, что ради этого вопроса он и поднял данную тему, что моё отношение к бывшему мужчине волновало его куда больше, нежели пережитые эмоции. Но в тот момент я об этом не думала, с головой погрузившись в прошлое.

Про себя я называла Желтоглазого любимым, я любила созданный им образ, но любила ли я его самого, познала ли вообще это чувство за свою жизнь? Проснулись бы во мне вообще чувства к этому человеку, если б он тогда сам не потянулся ко мне просто оттого, что ему не с кем было провести время?

– Я ведь никогда не признавалась в любви, – улыбнулась я. – Конечно же, бывало, все мои поступки просто кричали об этом; я много раз говорила это губами, глазами, стихами,

но этих трёх слов никогда никому не говорила вслух... Помню, как чуть было не сделала это ровно перед роковым отъездом Желтоглазого. Я ехала провожать его в аэропорт с настроением и уверенностью, что признаюсь ему в любви. Но когда я увидела человека и заглянула ему в глаза, какая-то невидимая рука зажала мне рот. Я поняла, что сейчас говорить этого не стоит, а позднее момент был упущен. Спустя годы я осознаю, что никогда бы себе этого не простила. Нестерпимо осознавать, что распахнул душу тому, кто этого не достоин.

После нашего последнего разговора я вернулась домой, заперлась в ванной и под душем, чтобы родители не услышали, рыдала так сильно, как ещё ни разу в жизни. Мне казалось, я сорву голос или сердце моё разорвётся, но всё осталось неизменным, лишь душа больше не болела по этому человеку, к которому во мне не осталось ничего, кроме презрения.

– Он, конечно, подлец, – с пренебрежением выдохнул наконец Штефан, оживившись и пожав плечами, – но, по сути, просто обыкновенный человек. Глупый самец. Знаешь ли, за срок, отведённый на человеческую жизнь, очень немногим дано подняться с уровня говорящей обезьяны.

К словам этим было нечего прибавить, ни убавить. Желтоглазый был таков, каков есть, он поступил непорядочно и со мной, и с невестой, но на ход событий и его умысел никто не мог бы тогда повлиять.

– Отчего же меня жизнь так обижает, Штефан?

– Тебя обижает не жизнь, а люди.

Я умолкла и совсем сникла. От потревоженных воспоминаний было больно, и сама себе я казалась сейчас неудачницей, определённо делающей со своей жизнью что-то не то. Штефан наблюдал за моей реакцией, и сталь в его глазах вдруг сменилась каким-то неуловимым выражением, которое порой я видела у своего отца:

– Ну прости, – произнёс он несвойственным ему мягким и ласковым голосом. – Ты такая чуткая, тонко чувствующая, Света. Имя-то у тебя даже сплошь полнится светом... а тянешься всё во тьму. Возможно, сама того не ведая, ты хочешь вытянуть таких ничтожных людей, как этот твой Желтоглазый, за собой на свет или видишь красоту глазами, которые сами её излучают. Но тебе опасно общаться с ними, ведь они никогда не оценят твоих порывов, – и, склонившись ко мне, словно собираясь шепнуть что-то по секрету, добавил: – Ты совсем из другого теста. Береги себя.

Я не могла понять, подразумевал ли он тогда под тьмой и себя тоже. Но к общению с собой он приучал меня, как к наркотику. Именно он без малейших усилий заставил меня рассказать то, о чём я никогда никому не говорила, и я сделала это послушно и легко, словно находясь под гипнозом. Возможно, мне просто нельзя было однажды заглядывать в бездну его глаз, точно поглощающих саму твою душу, но было слишком поздно: бездна уже посмотрела в меня.

Часто мы слушали музыку – самую разную, от классики до современного джаза и альтернативы. Во время одной из современных декадентских песен он однажды пригласил меня на танец – тогда он впервые прикоснулся ко мне. Под красивый клавишный мотив мы медленно двигались посреди пустой гостиной, и я ощущала, как его ладони и пальцы осторожно, но властно двигаются от локтей к плечам и спине, всё глубже вбирая меня в свои крепкие объятия. Я прильнула к его груди, обвила руками его шею, и какая-то пелена застила мой разум, не давая контролировать движения. В тот миг мною правило одно лишь желание прижаться к Штефану ещё крепче, слиться с ним воедино, будто я не смогу дышать, если он вдруг выпустит меня из объятий. Мужской голос, певший поначалу нежно и ласково, набирал силу и гласил теперь о том, что надо целовать губы, пока они ещё алые, надо любить, пока ещё не рассвело, надо тонуть во взгляде, пока он ещё не прозрел. Лицо вампира, строгое и прекрасное в своей неестественности, было так близко, что мне подумалось, будто сейчас он меня

поцелует. Мне нестерпимо захотелось, чтобы он меня поцеловал. Однако он лишь испытующе смотрел на меня горящими, немного бешеными глазами и едва заметно улыбался. Казалось, такая пытка лишь забавляет его. А потом он разжал свои объятия, но я осталась жива...

Тот вечер, тот единственный танец словно бы сломал какую-то грань в нашем общении, потому как теперь Штефан позволял себе брать меня за руку при встрече и даже касаться её губами в знак приветствия. Я не могла понять причины сей перемены и природы прежнего табу на физический контакт, но мне очень нравились эти робкие, мимолётные, точно украденные соприкосновения. Руки его были сухими и зачастую прохладными, лишь иногда они казались мне чуть теплее даже моих, но о причине этого я старалась не задумываться, отмахиваясь от страшных догадок.

И всё же порой я даже пугалась собственной неосторожности, забываясь, с кем имею дело. В один из вечеров, сходя в ресторан и нагулявшись по городу, мы традиционно приехали к Штефану домой. Во всех комнатах царил уже ставший мне привычным полумрак: верхний свет вампир не зажигал, он бы мог вообще обойтись без осветительных приборов, но включал висевшие вдоль стен бра, слабого света которых хватало моему зрению, чтобы ориентироваться в пространстве. Тихо бурчал телевизор, перед которым мы расположились на диване, уже вдоволь наговорившись за предшествующую прогулку. Наступил один из тех моментов, когда можно просто помолчать без лишнего стеснения оттого, что не хочется говорить. Я ценила такие минуты молчаливого единения и была благодарна за них. Ночь была в самом разгаре, и я, робко положив голову на плечо Штефану, медленно погружалась в вязкую темноту сна.

Не знаю, как долго я проспала, поскольку в подобных случаях всегда кажется, что закрыл глаза всего на миг, но когда я очнулась, голова моя лежала у вампира на коленях. Он в задумчивости перебирал мои волосы тонкими, точно высеченными из слоновой кости пальцами, а телевизор всё так же монотонно бубнил в темноте. Я пошевелилась, бросив вполоборота взгляд на Штефана, и поняла, что он всё это время смотрел на меня, очень странно. На его белом лице мерцали голубые отсветы от экрана – так могли падать блики на каменный лик статуи, совершенно неживой. Лишь в почти лишённых блеска и эмоций глазах бесновалась какая-то тёмная, незнакомая мне доселе лихорадка. Медленно двигавшиеся его руки вдруг откинули янтарный локон, закрывавший мою шею, и, едва задев кожу, буквально обожгли льдом. Я впервые ощущала его руки такими холодными и в тот же миг осознала, что он делает. Вздвогнув, я попыталась податься вперёд, но его пальцы, мгновенно утратив размеренность, впились в мои плечи, пресекая всяческие движения.

– Тс-с... – прошипел он, не размыкая губ, и с абсолютно неподвижным лицом склонился надо мной так, что пряди его тёмных волос упали мне на лицо.

Чуть приподняв меня за плечи, Штефан приник губами к моему виску; я слышала, как он втягивал носом воздух, спускаясь ниже к шее. Он принюхивался ко мне, как голодный хищник. Это было очень страшно, я поняла, что за лихорадка была в его глазах, но даже если бы попыталась сейчас вырваться, шансов ослабить хватку этого существа не было никаких. Его губы, сухие и холодные, коснулись моей шеи, он приоткрыл их и повёл головой из стороны в сторону. Я ощутила его влажный язык, затем губы сомкнулись и разомкнулись вновь. Это был самый жуткий поцелуй в моей жизни, меня всю трясло мелкой дрожью, но безупречные руки вампира держали очень надёжно.

Мне не хотелось верить, что я жестоко обманулась и всё закончится прямо сейчас, но мысленно уже приготовилась к любому исходу. И когда губы Штефана в очередной раз раскрылись, помимо языка я ощутила нечто очень острое, словно лезвия ножей, но не столь холодное, как металл. Ахнув от испуга, я всё же машинально рванулась в сторону, но вампир одной рукой крепко обхватил мою голову и ещё сильнее прижал к себе. Поцелуи его стали более настойчивыми, при каждом его движении ощущалось, как клыки соприкасаются с моей

кожей, и я не знала, окропились они кровью или всё же нет. Теперь я ощутила, что дрожал и сам Штефан, и то была вовсе не дрожь от холода, – его трясло от желания, проснувшегося глаза.

Он отпустил меня так быстро, точно желал оттолкнуть. В испуге я машинально схватилась за горло, но кожа была цела, чисты были и его губы. Лицо мужчины по-прежнему ничего не выражало, лишь глаза разгорелись с большей силой, а грудь высоко вздымалась. Мне стоило, наверное, сорваться с места и бежать прочь от этого пробудившегося в нём голодного зверя, но он ведь по-прежнему держал своё слово и не причинил мне вреда...

Улыбнувшись мне какой-то вымученной улыбкой, Штефан поднялся с дивана – я испуганно вскочила вослед. Тотчас же мне стало неловко от того, какой напуганной я сейчас выглядела, как если бы я общалась с изувеченным человеком, тщательно стараясь не обращать внимания на его уродство, но в один миг вдруг выдала своё смущение. Он обернулся и, продолжая слабо, будто бы виновато улыбаться, коснулся меня. Пальцы вампира сжались почти нежно и, глядя мне по плечу, мужчина тихо сказал:

– Мне надо отъехать ненадолго, а ты иди в спальню наверх и поспи, – он указал взглядом на второй этаж и отстранился. – Я скоро вернусь.

– Может, мне лучше вообще уйти? Ты добросишь меня по пути до города... – неуверенно пробормотала я, смущённая мыслями о том, куда Штефану так внезапно понадобилось отъехать после этой выходки. Вернее, я гнала единственно возможные догадки прочь, не желая об этом даже думать.

– Ты *хочешь* спать, – слова прозвучали так настойчиво, словно мужчина желал внушить мне это, и не повиноваться такому тону было невозможно. – Дождись меня... Ключи я беру с собой.

И он ушёл. Запер меня одну в своём доме. Это казалось бы тёплым, почти человеческим жестом доверия, если бы не было так похоже на то, что узнице запретили покидать пределы замка.

Я слышала шум его машины, выехавшей из гаража и умчавшейся в неизвестном направлении, и почти сразу же почувствовала, как опустел дом. Здесь по-прежнему было сумрачно и тихо, но тишина и пустота вдруг стали такими пронзительными и холодными, будто этот стройный организм из камня и металла покинула сама жизнь. Ирония состояла в том, что жизнь в это место вдыхало создание, безжизненней и холоднее которого я никогда не встречала. И всё же мне тотчас стало неуютно в его доме без него самого, словно всё строение озлобленно ощерилось на чужеродный элемент внутри себя, такой непривычно живой, тёплый, дышащий...

Поёжившись, я послушно поднялась на второй этаж, никуда не заходя, напрямик в спальню, как он велел. Включила на прикроватном столике ночник – имитацию букета из чёрных засушенных роз и сухих ветвей, на которых загоралось множество мелких золотистых огоньков, стоило коснуться вазы из матового тёмно-серого стекла. Комната наполнилась тёплым светом, бордовым по углам, где он падал на обои бургундского цвета с витиеватыми выпуклыми бархатистыми узорами. Кровать занимала большую часть комнаты и была выполнена, как и вся немногочисленная мебель в этом помещении, из чёрного дерева. Подле резной спинки кровати, какие я видела раньше только в царских покоях дворцов-музеев, на двух больших подушках россыпью лежали маленькие думочки с бархатистым рисунком, похожим на тот, что покрывал стены. Несмотря на крайне мрачные тона интерьера, комната показалась мне очень уютной, располагающей ко сну или интиму...

С неловким чувством посягательства на чужое сокровенное я опустилась на кровать и, лишь коснувшись чёрного стёганого покрывала, смогла наконец облегчённо вздохнуть, будто часть энергии Штефана, сохранившейся в его постели, вновь взяла меня под свою защиту. А защищал ли он меня когда-нибудь? Почему мне было так спокойно с этим порождением ночной тьмы? И почему я продолжала ему доверять даже в минуты охватывавшего меня живот-

ного ужаса рядом с этим... человеком? Но веки мои действительно были тяжелы, и, не находя ответов на свои вопросы, с этими мыслями я почувствовала, как вновь неумолимо теряю связь с реальностью.

Я проснулась от едва ощутимого прикосновения, точно чьё-то осторожное дыхание дотронулось до моей щеки. Ещё никогда я не была столь чуткой, будучи погружённой в глубокий сон. Штефан лежал рядом со мной, наблюдая за тем, как я спала, и подушечки его пальцев касались моего лица. Я не слышала, как он вернулся, не почувствовала, как лёг на кровать, но проснулась от единственного прикосновения. Накрыв его внезапно потеплевшую руку своей, я отстранила её и, свив наши ладони, опустила на покрывало.

Лицо Штефана было бледно, спокойно, задумчиво. Мне показалось даже, что за эти пару часов, которые я его не видела, вампир постарел. Возможно, такую иллюзию создавали синие венки, проступившие под кожей на висках и веках, или же дело было во взгляде потемневших глаз, особенно сейчас контрастировавших с относительно молодым лицом скрывавшейся в них непостижимой древностью. Из них ушла пугавшая меня тёмная лихорадка, но появилось нечто другое, заставившее сжаться моё сердце. Вглядываясь в меня, Штефан был сейчас недостижимо далеко отсюда, глубоко в своих мыслях, и мне показалось, что в глазах его теперь читалась какая-то горечь или даже боль.

Высвободив из его руки свою, я потянулась к его лицу, но пальцы дрогнули и замерли в нерешительности в паре сантиметров от щеки мужчины. В уголках его глаз едва заметно обозначились следы морщинок, дрогнули губы, – он мысленно улыбнулся моей робости. И тогда я всё же притронулась к нему, провела пальцами по щеке. Взглядом я проследовала по точёному лицу Штефана: вдоль достаточно суровой линии подбородка, по прямому профилю, коснулась по-мужски чувственных, казавшихся добрыми губ. Кожа на его на щеках оказалась такой приятно-бархатистой и нежной, какой не было даже у меня. И тёплой, неестественно тёплой для него.

– Где ты был? – вырвалось у меня, и я тотчас же мысленно одёрнула себя за этот вопрос, ответ на который читался по его тёплым рукам, по бледным губам и успокоившемуся взгляду.

Тень улыбки на лице вампира погасла, оставив лишь ту горечь, от которой мне самой становилось больно. Штефан невесело усмехнулся очень тяжёлой, болезненной ухмылкой и несвойственным ему низким голосом чеканно произнёс:

– Я ходил убивать, Света.

И я это знала, но по спине всё равно невольно побежали мурашки. Я не отвела глаз, не одёрнула руки, но взгляд его, полный вызова, растерзывал меня сейчас на сотни маленьких кусочков, точно одно моё существование и присутствие в этой комнате вершило над Штефаном суд.

– Сегодня это была девушка, – зачем-то сообщил он после некоторого молчания, повисшего в комнате. Горький насмешливый вызов сквозил теперь и в интонациях мужчины. – Она чем-то напомнила мне тебя. Наверное, волосами... да, только у неё были темнее.

Он запустил пальцы мне в волосы и придвинулся ближе, так, что теперь мы касались друга дыхания. Кровью от него не пахло, от него вообще не исходило никакого собственного запаха, что поражало меня особенно; моё обоняние лишь улавливало терпкий, солоноватый аромат туалетной воды. Я судорожно сглотнула, тщетно пытаюсь смочить пересохшее горло. Штефан вновь меня пугал, но вовсе не тем фактом, что выпил очередную жертву, – он делал это регулярно, и я об этом прекрасно знала, общаясь по собственной воле с беспощадным убийцей. Я не понимала, для чего он высказывает мне сейчас всё таким обвиняющим тоном, и что он собирается со мной сделать, ибо в его власти сейчас было сотворить что угодно.

– И пахла она совсем иначе, – точно в ответ на мои мысли добавил вампир.

Штефан прикрыл веки и, обхватив мою голову уже обеими руками, заскользил по моему лицу к волосам, уху, шее, едва касаясь их кончиком носа. Казалось, он испытывает наслаждение. Во всём этом было нечто такое жуткое, неправильное, противоестественное; мне должно было бы стать гадко, но почему же вместо этого меня так взволновал сей миг?

– Штефан... – прошептала я. – Штефан, что ты делаешь?

Он чуть отстранился, но не выпустил из объятий, продолжая крепко прижимать к себе. Не знаю, интимность ли момента повлияла на меня, или же это был очередной отчаянный поступок, но я без раздумий выпалила:

– Почему тогда она? Почему ты не выпил меня, когда я заснула там внизу?

– Я обещал тебя не трогать.

– Ты такой человек слова? Для чего ты вообще мне его дал?

Какое-то время он внимательно на меня смотрел, то ли подбирая слова, то ли раздумывая, стоит ли отвечать на мой вопрос. Но затем, сосредоточенно поджав губы, он заговорил очень серьёзно:

– Она боялась. Они все боятся, отчаянно сопротивляются и пахнут страхом, нестерпимо... Это нас привлекает.

Ничего страшнее и циничней я в жизни не слышала. При этом я понимала, что Штефан сейчас не шутил, не старался обаять, не насмехался, – он никогда ещё не был так откровенен со мной, как в этих скупо подобранных, но очень чётких словах.

Я прислушалась к своим ощущениям: мне было страшно даже сейчас, не говоря уж о том моменте, когда я столкнулась с этим созданием на тёмной аллее. Это был даже не страх – первозданный нечеловеческий ужас.

– Ты что-то путаешь... – произнесла я вслух. – Неужели ты думаешь, что я не испугалась, когда увидела тебя впервые? Да мне никогда не было *так* страшно!

Я ощутила, как пальцы мужчины сжались сильнее, в лице промелькнула какая-то уклончивая эмоция, и точно нехотя он сказал, всё так же аккуратно подбирая слова:

– Не так. Ты не ведёшь себя как загнанный зверь. Ты виктимна, но не... *скот*, – последнее слово вышло у него шипяще-презрительным. – Тебе... *интересно*. И это забавно, ведь наиболее интересно тебе соприкоснуться с тем, чего боишься больше всего на свете, – со смертью. Ты не хочешь умирать, но готова отдавать себя без остатка.

Замолчав, он задумчиво смотрел, кажется, на мои губы, словно хотел их поцеловать или укусить, однако изгиб его собственных губ – улыбкой назвать это было сложно – при этом не обещал ничего подобного. То был оценивающий взгляд.

– Ты идеальная жертва, – заключил он очень тихо и от этого ещё более жутко.

Всё внутри у меня сжалось, как от неожиданного удара под дых. Его слова окатили меня ледяной водой, сотни невидимых иголок впились в мои конечности. Скрывать эту реакцию было бессмысленно: он всё ощущал тактильно, и я была пред ним абсолютно нагой, беззащитной. Он видел меня насквозь, чувствовал, его сознание было во мне. Наверное, я уже никогда не смогла бы стать прежней после общения со Штефаном, даже если бы больше его не увидела. Мне стало горько.

– Помнишь ли ты количество своих жертв, Штефан? – я положила дрожавшие ладони на плотную грудь мужчины – она оказалась жёсткой, как камень.

– Я сбился со счёта уже на второй год, – сдержанно ответил он всё с тем же защитным высокомерием, будто бы я собралась его порицать. Казалось, он был весь напряжён в ожидании моей реакции.

Я невольно зажмурилась. Имела ли я право осуждать его? Тем более сейчас, когда уже позволила себе так к нему привязаться, хотя всё это время знала, кем он являлся. Он был чудовищем, пожирающим таких, как я. Но он не был убийцей, который трусливо поджидает беззащитную жертву в подворотне со складным ножом, чтобы ограбить её или надругаться над

телом. Он не был предателем человеческих принципов, отнимая жизнь у себе равных, а просто брал то, что предназначено ему его собственной природой. Никто не был виноват в том, что вампиры стоят выше в пищевой цепи, а раз подобные создания существовали, значит, природе они зачем-то были нужны. Я чётко ощущала эту грань, потому что не видела в Штефане ничего человеческого, и большой ужас вызывал во мне даже не способ существования таких, как он, а то, что я осознавала его превосходство и совершенство перед любым среднестатистическим представителем моего рода. Перед собой.

– Я совсем ничего о тебе не знаю, – у меня предательски пропал голос, и я прокашлялась.
– А что ты хочешь знать?

Стиснув пальцы на его груди, словно пытаюсь зацепиться, чтобы не упасть, я осмелилась заглянуть в его полные неутолимой печали глаза и с горячностью произнесла:

– Я хочу знать о тебе всё, Штефан. Как ты таким стал, кем ты был, что ты пережил...

С тяжёлым вздохом он закатил глаза, как если бы я попросила его о чём-то трудновыполнимом, и он сожалеет, что из всего возможного я попросила именно об этом. Мужчина сразу ослабил хватку и, рассеянно поглаживая меня по затылку и шее, молчаливо вглядывался куда-то вглубь моего сознания. На лице вампира ясно читалось колебание.

– Понимаю... ты мне вряд ли ответишь, – я изо всех сил старалась не выказать накопившую на меня грусть и даже выдавила неуверенную улыбку, но меня вновь выдал дрогнувший голос.

Я ждала откровения от того, кто имел полное право не подпустить меня столь близко. И, по всей видимости, всё же не заслужила его доверия. Но в тот же миг надо мной раздался чуть осипший стальной голос Штефана:

– Мне было почти тридцать пять на момент обращения...

Не сразу осознав, к чему он это, я удивлённо вскинула голову и встретилась с хрустальной синевой серьёзных, застывших глаз. Его зрачки сузились, позволив ледяным узорам заполнить всю радужную оболочку, – взор Штефана стал непроницаемым и далёким, лицо – каменной маской, однако он продолжил говорить, медлительно, точно через силу.

– Я родился в тысяча шестьсот пятьдесят первом и не знал другой страны – страны без турецких захватчиков... Уже более века Венгрия находилась под Османским игом. Впрочем, некоторым это было даже на руку... крестьянам, простолюдинам, – губы Штефана туманно подёрнулись пренебрежением, интонации приобрели некий официальный оттенок. – Однако я принадлежал княжескому роду, и неприязнь к этим чужеродным мусульманским оккупантам впиталась в меня с кровью.

Мужчина уже не пытался прочесть мои мысли и реакцию по выражению лица – глядя на меня, он смотрел куда-то в бесконечность, покрытую мраком прошедших столетий. Его руки вновь ожили сами собой, крепко обнимая теперь мою спину, сжимая плечи. Супротив воли рассудка внутри у меня всё затрепетало от этих касаний, но тон Штефана не обещал никакой романтики.

– Когда Австрийский император затеял изгнание турок из Венгрии, я по собственной воле с головой окунулся в события. Не могу оценить свой тогдашний темперамент как более горячий, но я был молод, амбициозен... Я был человеком... христианином, – он вновь едва уловимо скривился, всё холоднее чеканя слова. – Безусловно, я принял активное участие в освобождении Буды в восемьдесят шестом... Почти два с половиной месяца мы вели осаду столицы, и во время штурма в день, когда город пал, я получил смертельное ранение...

Штефан перехватил пальцами, кончики которых показались мне вновь похолодевшими, кисть моей руки, всё ещё лежавшей у него на груди, и, сдвинув её чуть ниже к рёбрам с левой стороны, крепко прижал к себе, будто хотел впечатать через рубашку в свою кожу. Сквозь тонкую белую ткань я ощутила под ладонью длинный неровный бугорок, вероятно, шрам.

Второй рукой вампир обхватил моё лицо, приподняв его большим пальцем за подбородок так, чтобы я смотрела ему прямо в глаза, утратившие отрешённость и вновь глядевшие в самые глубины моей души.

– Лезвие не попало в сердце, но вошло достаточно глубоко под рёбра, я даже слышал скрежет стали о кость, – продолжил Штефан с вызовом и даже неким ожесточением.

У него резко усилился акцент, который урождённый венгр, видимо, сейчас не контролировал или не желал этого делать, и теперь это был не просто необычный чуть шипящий выговор, а речь явного чужеземца.

– Поначалу я не почувствовал боли и даже успел отсечь тому турку голову... одним ударом. До сих пор помню, как она вприпрыжку с хлюпающими звуками покатила по мостовой... – мужчина позволил себе сдержанный горький смешок. – И лишь когда металл вышел из раны, я почувствовал жгущую боль во всём боку. Я не мог согнуться, мне было больно дышать. Заплетающимися ногами я побрёл вдоль стены, цепляясь за камни и оставляя на них кровавые следы. Мир вокруг точно замер: существовала только эта боль, а все крики, лязг стали, ржание лошадей отдавались в ушах лишь гулом... Я успел доковылять до руин одного из бастионов и, завернув, за разрушенную стену, свалился на гору обломков и земли.

Мне не требовалось больших познаний в медицине, чтобы понять, что с этой битвы я не вернусь. Крови было слишком много, ею пропитался мой плащ, которым я тщетно пытался зажать рану. Смеркалось. Лёжа там, я глядел в широкое фиолетовое небо, озаряемое маревом горящей Буды. На тот момент город уже пал, и от него не осталось почти ничего, кроме пепелища. Но, умирая на руинах столицы, я почему-то думал не о том, что турок теперь прогонят... Во мне было лишь чувство вины перед семьёй, которую я бросил. Это было ровно накануне моего человеческого тридцатипятилетия.

Штефан умолк и опустил ресницы, прислушиваясь то ли к своим чувствам, то ли к ожившему в его голове шуму сражения. Меня там не было и быть не могло, однако я ясно услышала гомон голосов с чужеродным наречием и звон металла, крики раненых, стоны умирающих, я учуяла запах гари, пота и крови, которой пропиталась земля под булыжниками мостовой. Я попыталась представить его, такого ныне степенного, сдержанного, в той картине, и мне подумалось, что он, наверное, обладал редкой способностью сражаться с совершенно холодным рассудком. Или же он был совсем другим тогда?

В охватившем меня порыве я прижалась к Штефану, мои губы почти коснулись ложбинки между ключицами мужчины, а пальцы сплелись с его, всё ещё сжимавшими мою руку.

– И... что было дальше? – в нетерпении вмещалась я в раздумья вампира.

Явно вырванный из иного мира, Штефан вновь заговорил, но уже другим, более сухим голосом, в котором слышалась ядовитая насмешка:

– А потом пришли они. Позднее я понял, что они всегда приходили поживиться после битв таким обилием легкодоступной крови. Я тоже так делал... после. Но на тот момент я даже не верил в реальность существования этих созданий. Меня лихорадило, я пребывал почти в бессознательном состоянии, когда какое-то бледное лицо склонилось надо мной. Я принял его за лик Ангела Смерти, что, впрочем, было отчасти правдой. И лишь новая вспышка боли, пронзившая почему-то теперь шею, привела меня внезапно в чувства. Затуманенным взором я увидел женщину с длинными чёрными волосами, богато одетую и обладавшую нечеловеческой силой, потому как я был не в состоянии сопротивляться хватке её хрупких рук. Она прокусила мне горло и пила мою кровь. Затем она порвала на мне рубашку и впиалась в рану, заставив кричать от боли. Пожалуй, это был бы самый бесславный конец для человека, который участвовал в освобождении столицы, – кривая ухмылка оживила лицо Штефана. – Но когда силы вовсе покинули мой организм, за миг до того, как картинка перед глазами окончательно погрузилась бы во тьму, я услышал шёпот её окровавленных губ над своим ухом. Она сказала, что я сильный. После я ничего не видел... Помню лишь густую тёплую жидкость, которая полилась

мне в рот, которую я инстинктивно глотал, чтобы не захлебнуться. И её жгучие, болезненные поцелуи... – почему-то добавил он в конце. – Напоив кровью, эта женщина покинула меня, сказав на прощание, чтобы я не выходил на дневной свет и слушал свои инстинкты. Больше ничего объяснять и не надо было, ибо каждый в ту пору слышал рассказы о пьющих кровь немёртвых, выходящих на охоту с заходом солнца, только мало кто в них верил, списывая пропажи людей на нездоровую атмосферу в стране. Я так и не знаю, кем она была.

Вампир замолчал, уставившись невидящим взглядом куда-то в пространство. А я затаила дыхание, боясь выдать волнение, охватившее меня с ещё большей силой. Мне истово захотелось самой поцеловать его, но я не осмелилась бы, особенно сейчас. К тому же, где-то в груди отчаянно ныло и жглось неоправданное и неуместное чувство, которое было мне очень хорошо знакомо, – ревность.

– Ты упомянул про семью... – робко нарушила я затянувшееся молчание. Эти слова почему-то давались мне с особым трудом, но я понимала, что если не спрошу сейчас, то уже не узнаю этого никогда. – Ты к ним так и не вернулся?

Он посмотрел на меня взглядом человека, который забыл, о чём шла речь, и не понимает вопроса, но затем его глаза наполнились бушующими водами ледовитого океана. Мне даже показалось, что в комнате повеяло морозом. С какой-то отчаянной мукой Штефан вновь обхватил моё лицо ладонями, на сей раз весьма ощутимо. Повинуясь внезапному порыву, он навалился на меня всем телом и прижался щекой к моей щеке. Я только ахнула от неожиданности и оцепенела, не зная даже, обнять ли его в ответ, или настала пора тщетно отбиваться.

– У меня была супруга, – услышала я тихий, будто бы даже нежный голос возле самого уха. – Она тогда носила нашего второго ребёнка. Старшей дочери было восемь. Я вернулся к ним уже не человеком, хотя до конца этого не осознавал, – пальцы Штефана вновь гладили мою шею там, где бьётся пульс. – Мои раны затянулись, и я никому не рассказал о том, как «умер» в Буде. Я не мог есть, не мог пить, и родные сочли это за смертельную усталость.

Когда Штефан говорил, его губы касались моей кожи: сначала мочки уха, потом щеки, ключицы и вновь шеи. То была ужасная нежная попытка для меня и голодная – для него.

– Когда мы легли спать, она обняла меня так нежно и отчаянно, точно хотела сказать, что никуда больше не отпустит, – продолжил мужчина с горькой усмешкой, и с каждой фразой его голос всё больше наливался сталью. – А я не мог заснуть. Безусловно, я радовался, что вновь их увидел, но чувство это было скорее в голове, нежели во всём похолодевшем теле, которое наполняло нечто новое, всепоглощающее, зудевшее на кончиках зубов и под кожей. Я пришёл к своей семье в самый разгар жажды...

У меня дрогнуло сердце, я уже не была уверена, что хочу слушать рассказ дальше, ведь никакого иного исхода мне не представлялось. Весь мой организм напрягся, но высвободиться из-под тела Штефана было невозможно. Я вновь ощущала ищущие губы и ловкий язык на своей шее, – его поцелуи были резкими, умелыми, похожими на покусывания, отточенные столетиями практики, но такими чувственными, что я не смогла сдержать тихий стон. Тогда пальцы вампира с силой стиснули мои плечи, я вновь застонала, но уже от боли, а поцелуи действительно превратились в покусывания, поначалу даже ласковые, но всё более настойчивые. Когда же мужчина болезненно прикусил клыками кожу на шее, в груди у меня птицей забились паника. Мне показалось, что он теряет над собой контроль.

– Штефан, мне больно... – тяжело дыша, я попыталась оттолкнуть его от себя. – Ты пугаешь меня.

Он оторвался от, наверное, бешено сейчас пульсировавшей вены на моём горле и, склонившись надо мной так, что мы соприкоснулись лбами, прикрыл глаза.

– Ты же веришь мне, – бесцветным голосом произнёс он, и я не могла бы ничего сейчас возразить, потому как после сегодняшней ночи я была готова верить ему, возможно, даже ещё больше, чем прежде.

Но всё же мне надо было знать лишь одну вещь, и с какой-то нервной надеждой в голосе я спросила:

– Что ты сделал со своей супругой?

Он широко распахнул глаза, холодно блестящие вызовом и желанием, и сухо сказал:

– Когда она заснула, я припал губами к её шее, – вампир сделал паузу, внимательно наблюдая за тем, как наполняются ужасом мои глаза. – Я ощущал её пульс под своим языком, чувствовал зубами податливость этой кожи... Я слышал биение второго сердца, растущего внутри неё, сердца нашего плода. Но я не знаю, что меня остановило... По правде, я даже не представляю, как любой новообращённый вампир мог вообще устоять тогда на моём месте. Той ночью я всё же покинул свою семью навсегда, оставив им большую часть состояния. И испил свою первую жертву.

Штефан умолк. Я понимала, что на этом рассказ закончен. Переполнявшая меня всё это время горечь хлынула жгучими слезами, неудержимо покотившимися по моим щекам, а Штефан смотрел на меня в упор, точно вопрошал этим пристальным, тяжёлым взглядом: «Ну что, довольна?». Однако затем, точно сжалившись надо мной, он коснулся губами моих глаз и щёк, собирая с них слёзы.

И тогда я не выдержала. Запустив пальцы в длинные волосы мужчины и зажмурившись, я впилась столь давно желанным поцелуем в его чётко очерченные неподатливые губы, и мне показалось, что почувствовала, как они слабо улыбнулись.

– Только с зубами осторожней, не поранься, – предупредил он и всё же ответил мне на сей раз долгим, глубоким поцелуем.

Мне больше не было страшно, и как бы он сейчас ни поступил, я была согласна на всё. Я верила ему, и не было сейчас для меня никого ближе на всём свете, чем Штефан, оказавший мне честь своим доверием. Я не могла понять того, что творилось сейчас со всем моим естеством, что творил со мной он, потому как, наверное, была готова в тот миг умолять его взять меня, прокусить мне горло, выпить мою жизнь, – что угодно! Казалось, даже если мне было тогда суждено умереть в его объятиях, я была бы счастлива и благодарна ему за это.

Мои пальцы сами собой расстегнули его рубашку и проникли под неё, нащупав тот самый шрам. Поцелуи Штефана спускались всё ниже, но когда они дошли до области солнечного сплетения, откуда сейчас едва не выпрыгивало моё бедное сердце, мужчина вдруг замер и точно через силу оторвался от меня, вжав тело готовой отдать ему жертвы в кровать.

– Что-то не так? – в недоумении спросила я, но Штефан лишь медленно помотал головой.

– Нет... мы слишком далеко зашли. Сейчас нельзя...

Отпустив меня, он поднялся на колени и сел на край кровати. Мы оба были растрёпаны и возбуждены, но он всё же отвернулся и холодно произнёс:

– Надо выйти на свежий воздух. Я тебя отвезу.

Я ничего не понимала и никак не могла сглотнуть ком обиды, подступивший к горлу. Что я сделала не так? Не слишком ли была навязчива? Может, я обидела его всеми этими расспросами?

Он стоял ко мне спиной в белой рубашке с крупными манжетами и, видимо, очень дорогими запонками, застёгнутой ещё не на все пуговицы. Утомлённые руки, эти волшебные, красивые руки, умевшие творить настоящие чудеса, были опущены вдоль тела. Белая ткань складками облетала спину, внушающую ощущение силы и спокойствия; классические чёрные брюки подчёркивали длинные, стройные ноги, расставленные по ширине плеч. Он казался мне неотразимым в этот час, хотя когда-нибудь раньше я бы не подумала ничего подобного...

Было раннее утро, тёмное и по-осеннему студёное. Он... Штефан был предо мной в досягаемости вытянутой руки, спокойный, с холодным, как это утро, рассудком, немного усталый и печальный. А меня переполняла лишь нежность, безграничная, тёплая, до дрожи в пальцах,

которыми хотелось покрепче обнять эту спину, сплести свои пальцы с его и никуда его больше не отпускать, как когда-то его жене...

Утренняя свежесть, ударившая в разгорячённое лицо, показалась мне поначалу приятной, по-настоящему бодрящей рассудок. Дурман, овладевший мной этой ночью, природу которого я так и не смогла понять, начал выветриваться, и мне вдруг стало стыдно за своё поведение. Что он мог подумать обо мне теперь? Но Штефан шёл рядом, не глядя в мою сторону, высокий, прямой, как ни в чём не бывало. Он отворил передо мной дверцу своего джипа и сел за руль, как делал это каждый вечер. Лицо его было строгим, неподвижный взгляд сосредоточен на дороге, а я украдкой любовалась кистями его рук, лежавших на руле.

Но мы молчали. Очень неловко было сидеть рядом с человеком, который меня пугал, но от одного присутствия которого вновь хотелось жить; с тем, кто вызывал во мне безудержное восхищение и уважение, кто свёл меня с ума этой ночью, но потом оттолкнул.

– Как-то это всё неправильно, – медленно произнесла я, даже не ожидая того, что сказала это вслух.

– Что именно? – вопросительно вздёрнув брови и не отрывая взгляда от дороги, уточнил он совершенно будничным тоном.

– Ну эти наши «отношения»... я их не понимаю, – честно призналась я и испытала при этом какое-то облегчение, будто скинула с себя мучивший груз.

Покосившись на Штефана, я успела заметить, как на секунду окаменело его лицо, чуть расширились глаза, изгиб губ стал жёстким, однако он тут же выпалил нарочито безразличным тоном, даже не посмотрев в мою сторону:

– Их в любой момент можно прекратить.

Не знаю, чего добивалась я этими своими словами, скорее всего мне просто хотелось, чтобы он пояснил, как сам определяет для себя наше общение, но он лишь нарочито показал, что готов был с лёгкостью от всего отказаться. Мне не следовало раздражать его подобными вопросами.

Раненая в самое сердце, я отвернулась и бездумно смотрела на проплывавшие мимо ночные пейзажи сквозь покрытое моросью стекло. Горячие струйки стекали по моим щекам, но я держала дыхание ровным изо всех сил. Меня выдал нос, которым я начала невольно хлюпать, когда слёзы проникли и туда.

– Что с тобой? – услышала я ехидные слова вампира.

В боковом зеркале я видела, как покраснели мои глаза, но скрывать смысла уже не было. Обернувшись, но всё же упрямо глядя на бардачок, я призналась:

– Если ты покинешь меня, я умру...

Он притормозил у обочины и, наконец, удостоив меня своим взором, какое-то время молча смотрел совершенно серьёзными, внимательными глазами. Потом тень довольной улыбки человека, добившегося своего, скользнула по его лицу, и Штефан чуть иронично сказал:

– Не надо умирать.

Я представила, как, наверное, жалко сейчас выгляжу. Мне не нужно было его снисхождение, но, тем не менее, совсем поникшим слабым голосом я попросила:

– Не отпускай меня, Штефан.

Всё с тем же серьёзным взглядом он сжал мою ладонь, лежавшую на коленях, и мягко, но властно произнёс:

– Я – не отпущу.

Не поверить такой интонации было невозможно, нельзя было её послушаться. Он сказал это нежно и доверительно, но притом так безапелляционно, что мне стало немного жутко. И всё же я почувствовала успокоение.

Дома оставалось времени лишь на то, чтобы привести себя в порядок и позавтракать. Только сейчас я поняла, как проголодалась, ведь прошла уже целая ночь. И хоть поспала я совсем немного, мне пока и не хотелось. Слишком много мыслей шепталось в голове, слишком много гормонов кипело в моей крови.

Запах подогретых блинчиков с яблоками возвращал к реальности. В животе урчало, ноздри улавливали сладкий, очень аппетитный аромат. Мне хотелось есть – такую простую человеческую еду. Я сидела на самой обычной кухне питерской новостройки, в руках у меня была чашка, в чёрном глянце которой не разглядеть чайного дна, она согревала мои ладони, соскучившиеся по теплу. Я отрезала кусочек за кусочком от этих блинчиков и с удовольствием их уплетала, ощущая привкус корицы на языке и успокоение в возмущённом желудке. Я была сейчас таким *человеком*, что воспоминания о прошедшей ночи, проведённой в каком-то ином мире, начинали казаться мне сном. Несбыточным сном.

В коридоре зашаркали тапочки – отец уже уехал на завод, где работал технологом, значит, встала мама. Заглянув на кухню и смерив меня заспанным взглядом, она спросила:

– Ну что, выпалась?

Я ненавидела этот тон: нарочито осторожный, с трудом прикрывающий раздражение или ехидство. Почему-то даже самые глупые замечания жалили больше всего, если были произнесены таким тоном. Хотелось взвиться и накричать на того, кто с тобой так говорит, но я постаралась сделать каменное лицо, мысленно представив *его* лицо.

– Нормально, – уклончиво ответила я, хотя ещё ни разу не оставалась на ночь у Штефана в будний день и полагала, что мне будет сегодня тяжело.

Ожидая, видимо, более развёрнутого ответа, мать стояла в дверном проёме и продолжала смотреть на меня. Долго она не продержалась и выпалила уже более искренне то, что её действительно волновало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.